

№12
Декабрь 2008

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ДИАЛОГ
НЕОБХОДИМ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№12⁽³⁹⁾
Декабрь 2008

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗИТ	«ПРИЕХАЛ С МИРОМ И С МИРОМ ВОЗВРАЩАЮСЬ»	4
НОСТАЛЬГИЯ	СВЕТ ГРУЗИНСКОЙ ЗЕМЛИ	8
	ПРОСТИ НАС ВСЕХ, ГОСПОДИ!	9
ПРИЗНАНИЕ	РОСА С ЛИКА СОЛНЦА	10
ПРЕМЬЕРА	НЕМНОГО НЕЖНОСТИ И СЕНТИМЕНТОВ...	18
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ГОСПОДА ФРУКТЫ, ИЛИ НЕБОЛЬШОЙ ЭКСКУРС В СОЦИОЛОГИЮ	22
ЮБИЛЕЙ	ТЕАТР ВО СНЕ И НАЯВУ	28
О,СПОРТ!	ИМ СНИЛАСЬ САБЛЯ	33
КИНОКЛУБ	СВЕЧА НАДЕЖДЫ	36
ЗНАЙ НАШИХ!	МЕЧТАЮ О ТБИЛИССКОЙ СЦЕНЕ	38
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	СОЛНЦЕ ГАЛИНЫ	42
ДАТА	ЮБИЛЕЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	47
ДАРЬЮШКИНЫ ПОСИДЕЛКИ	МОРОЗКО	48
ЛЕГЕНДАРНАЯ	ОНА БЫЛА ЗВЕЗДОЙ	50
ВЕРНИСАЖ	ОСТРОВ В АСТРАЛЕ	52

На обложке - Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II и митрополит
Смоленский и Калининградский Кирилл

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

В храме Христа Спасителя

«ПРИЕХАЛ С МИРОМ И С МИРОМ ВОЗВРАЩАЮСЬ»

Этими словами Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II попрощался с прихожанами после посещения грузинской церкви в Москве.

Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II с официальной делегацией одним из первых зарубежных иерархов прибыл в Москву для участия в церемонии погребения Предстоятеля Русской православной церкви. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, 18 лет возглавлявший Русскую православную церковь, скончался 5 декабря на 80-м году жизни.

В состав официальной делегации вошли: митрополит Зугдидский и Цаишский Герасим (Шарашенидзе), митрополит Ахалцихский и Тао-Кларджетский Теодор (Чуадзе), архимандрит Давид (Чинчараули), протоиерей Георгий (Харазишвили), экс-посол Грузии в России Зураб Абашидзе, референт его Святейшества Шорена Тетрашвили. Кроме представителей Церкви и официальной делегации из Тбилиси в Москву прибыли такие известные фигуры как Важа Лордкипанидзе,

Тамаз Гаиашвили, Валерий Кварацхелия и другие.

В этот воскресный день московский аэропорт Домодедово стал местом встречи огромного числа верующих прихожан. В зале официальных лиц и делегаций Его Святейшество и свиту с нетерпением ждали руководство Союза грузин в России в лице Президента Михаила Хубутия и исполнительного директора Теоны Григолашвили, Президент международного культурно-просветительского союза «Русский клуб» Николай Свентицкий, директор московской школы с этнокультурным грузинским компонентом № 1331 Анна Кереселидзе-Перекрест, Тамара Гвердцители, Темур Татарашвили, Арчил Мепаридзе и многие заметные представители грузинской диаспоры России.

Представители молодежного движения Союза в грузинских национальных костюмах, имели честь первыми поклониться и вручить цветы Предстоятелю Грузинской православной церкви.

Очень важно отметить, что Его Святейшество Илию II встречал местоблюститель патриаршего престола митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. «У нас большая скорбь, и в эти трудные дни визит очень важен для нас. Его поддержка дает нам силы и укрепляет единство православной церкви», - сказал журналистам митрополит Кирилл.

8 декабря под сводами храма Христа Спасителя в Москве зазвучало многоголосное грузинское пение. Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II возглавил панихиду у гроба патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Для всех присутствовавших на службе – и грузин,

и русских – служба, прошедшая на грузинском языке, была особенно трогательной. Трудно описать очевидное волнение Его Святейшества в момент прощания с Алексием II – как известно, их связывали очень теплые дружеские отношения.

«Хочу сказать, что у меня были особые, близкие отношения со Святейшим Патриархом. Алексий II любил Грузию, нашу страну, и я надеюсь, что сложности, возникшие в политических отношениях, с Божьей помощью разрешатся и уйдут в прошлое», - сказал Католикос-Патриарх Илия II после богослужения, покидая главный кафедральный храм российской столицы.

«Их дружба была очень крепкой, искренней и честной... Он провел богослужение, которое было очень памятным и важным для православного мира, для России», - сказал мэр Москвы Юрий Лужков журналистам после заупокойного богослужения. Лужков горячо поблагодарил Католикоса-Патриарха всея Грузии за то, что он приехал проститься со Святейшим патриархом Алексием II, посетил Россию «в эту очень скорбную для всех христиан, для всех россиян минуту».

«Дружба между Церквями - это дружба между людьми, между народами, над которой не властны временные политические испытания. Всевышний предписал нам быть соседями, христианами, Всевышний предписал нам быть в дружбе и братстве всегда. И временные испытания не должны заслонять той основы, которая всегда была между грузинским народом и россиянами», - сказал он.

Во вторник 9 декабря грузинская делегация во

главе с католикосом-патриархом всея Грузии Илией II приняла участие в траурных церемониях - отпевании Святейшего Патриарха Московского и всея Руси в кафедральном соборном храме Христа Спасителя, прощании, когда гроб с телом Патриарха на руках архиереев был вынесен из храма и крестным ходом обнесен вокруг собора, и погребения пятнадцатого Предстоятеля Русской православной церкви в приделе Благовещения Пресвятой Богородицы Богоявленского (Елоховского) кафедрального собора Москвы. На похоронах присутствовали Президент Дмитрий Медведев, премьер-министр Владимир Путин и другие первые лица власти России.

По завершении траурных мероприятий Президент России Дмитрий Медведев провел отдельную встречу с Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией II. Грузинский Патриарх остался доволен встречей с российским президентом. «Встреча прошла в доброжелательной обстановке, и я увидел, что президент России желает урегулировать отношения между нашими странами», - сказал Католикос-Патриарх. Отвечая на вопрос грузинских тележурналистов, надеется ли он на налаживание грузино-российских отношений, сказал: «Есть надежда».

Следующий день визита стал для грузинской диаспоры особенным. Предстоятель Грузинской православной церкви Патриарх-Католикос всея Грузии Илия II по приглашению президента Союза грузин в России Михаила Хубутия посетил в Москве офис этой общественной организации, где встретился с соотечественниками. Он отметил, что в ходе визита в Москву

Встреча с грузинской диаспорой

Прощание с Патриархом Алексием II

В Союзе грузин в России

почувствовал, что те братские чувства, которые сложились на протяжении веков между народами России и Грузии, сохранились. Патриарх подчеркнул, что грузинам очень дороги культура и философия России. «В Грузии русские чувствуют себя так же комфортно, как и грузины в России», - заметил он. «Добрые отношения между нами надо восстановить», - подчеркнул грузинский иерарх, призвав грузинскую диаспору работать на улучшение российско-грузинских отноше-

ний. Илия II признался, что «некоторые сомневались», поедет ли он в Москву. Эти слова Патриарха подтвердила и Тина Канделаки, выражая благодарность Его Святейшеству за приезд. «Мы пришли на встречу одними людьми, а выйдем другими. Все будет по-другому. Все мы на Вас надеемся», - сказала она.

«Я думаю сложное время пройдет и все наладится, хочу сказать нашим «русским грузинам» от нас, «грузинских русских», что мы должны быть вместе.

ний.

«Я приехал, чтобы выразить сочувствие руководству Русской православной церкви и всему народу России», - сказал Патриарх. Комментируя для соотечественников встречу с президентом Дмитрием Медведевым Илия II заявил: «Грузии нужна сильная Россия, также как и России нужна единая и дружественная Грузия. Мы обо всем говорили и было взаимное понимание, - сказал он. - Надеюсь, что с Божьей помощью мы достигнем мира и благополучия». Глава Грузинской православ-

ной церкви уверен, что отношения, в которых сегодня находятся Россия и Грузия «совершенно чужды» для наших стран. «Надо ценить те добрые отношения, которые на протяжении веков сложились между нами», - подчеркнул он.

Наша страна Грузия – толерантна и во многом потому, что сегодня духовный лидер всех проживающих в Грузии – Святейший Илия II», - добавил президент международного культурно-просветительского союза «Русский клуб» Николай Свентицкий.

«Хочу приветствовать гостей в городе и сказать, что наш город и правительство делают все, чтобы он был мирным, чтобы процветала толерантность, межнациональный мир», - с такими словами обратился к присутствовавшему Михаилу Соломенцеву, председателю Комитета межрегиональных связей и национальной политики Правительства Москвы.

Илия II также призвал грузинскую и российскую молодежь уважать друг друга.

«Святейший призвал грузинскую молодежь жить в христианском духе, так чтобы они с российскими сверстниками уважали друг друга. Он также призвал весь грузинский народ к братским и дружеским отношениям с русским народом», - рассказал Михаил

Хубутия, - «Хочу также отметить, что Илия II выразил пожелание, чтобы грузины, проживающие в России, любили ее как Родину».

Также на встрече Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II заявил о необходимости восстановления территориальной целостности Грузии. «Эта политическая напряженность неестественна для нас. Неестественно и то, что Абхазия пожелала быть вне Грузии. Я думаю, что необходимо восстановление территориальной целостности Грузии, открытие границ, открытие торговли, возвращение беженцев в свои дома», - подчеркнул Патриарх.

В свою очередь, президент Союза грузин в России Михаил Хубутия заявил: «Даем слово, что будем делать все во благо Грузии, чтобы в Грузии был мир. Мы - россияне, это наша страна, наша родина, но мы - дети Грузии».

Искреннюю благодарность Его святейшеству выразили Мелор Стура, Анна Кереселидзе, Валерий Меладзе, Диана Гурцкая, Дато Худжадзе и другие присутствовавшие на встрече.

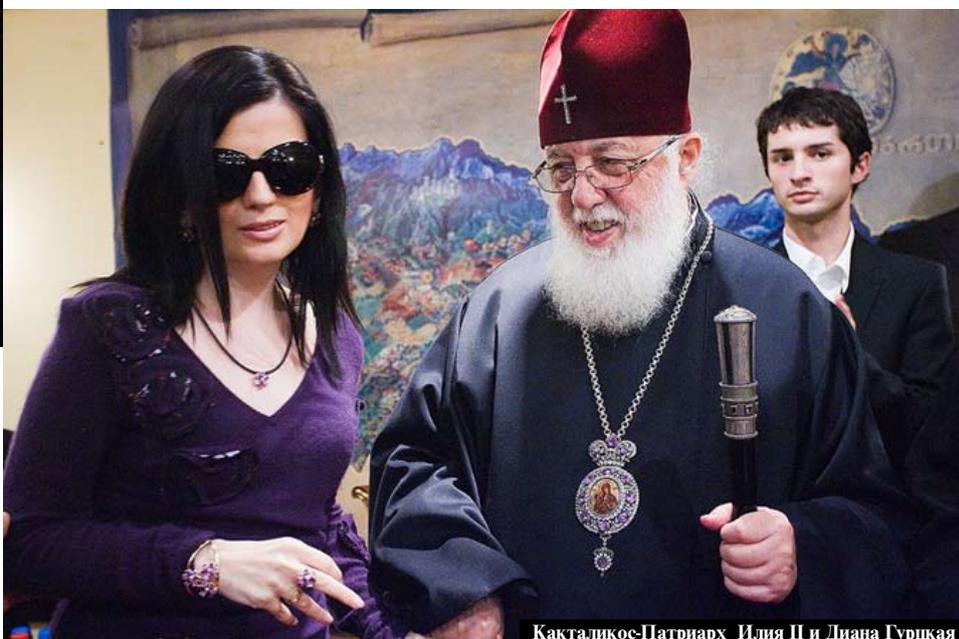
«Сегодня действительно исторический день в жизни нас всех, более миллиона грузин, проживающих в России. Мы особенно переживаем за судьбу нашей родины. Несмотря на печальную причину Вашего визита, для нас это большая радость. Пусть всегда с нами пребудет Ваше благословение», - обратилась к Патриарху исполнительный директор Союза Теона Григолашвили.

В окончании встречи Его Святейшество обратился к президенту Союза со словами: «Я благодарю господина Михаила за организацию этой встречи с вами. В знак своего глубокого уважения хочу преподнести книгу, которая называется «Патриарх». В ответ Михаил Хубутия преподнес Патриарху уникальное издание Библии и пожертвование для грузинской патриархии. «Единственный человек, который может нас объединить - это Его Святейшество», - подчеркнул Хубутия.

В последний день визита Илия II посетил могилу Алексия II в Елоховском кафедральном соборе Москвы. Также в программе дня было посещение московского грузинского Храма святого великомученика и Победоносца Георгия. Его Святейшество благословил прихожан и коротко поделился впечатлениями о визите: «Я приехал с миром и с миром возвращаюсь».

Мира ВЛАДИ
Москва

Фото:
Алексей АНТОНЕНКО,
Алексей ДОВГУЛЯ

Католикос-Патриарх Илия II и Диана Гурцкая

Валерий Меладзе на встрече с Патриархом

СВЕТ ГРУЗИНСКОЙ ЗЕМЛИ ПОМОГИТЕ СОХРАНИТЬ БРАТСКУЮ ЛЮБОВЬ

Ирина Багратион-Мухранели

Я родилась в доме, у которого по фасаду было два этажа, а во двор он выходил тремя этажами. В Тбилиси это не редкость, многие улицы лепятся к горам таким образом. Над подвальными этажами сделаны горизонтальные решетчатые окна, чтоб хоть какой-то свет попадал в квартиры.

Но я всего этого не знала. Мне было три года, когда я забежала в квартиру к «нижним» соседям и увидела чудо. Среди полумрака на полу горело пятно солнечного света. И под землей было солнце. А вскоре, на Преображение, бабушка повела меня в церковь. Весь пол деревянного храма в Манглиси (церковь VI века, Преображение – престольный праздник) был уставлен фруктами с горящими свечками, и я, не намного выше ростом этих освященных гор яблок, персиков, слив – изобилия плодов земных – нахожусь внутри света.

Когда через много лет я попала в Сент Дени в Париже и прочла Daieu – s'est lumiere, у меня был свой опыт присутствия Бога – мои детские воспоминания. В Грузии к Нему как-то легче подходить. Света много. Или же, с IV века, когда Грузия приняла христианство (в 326 году), кровь праведников и молитвы притягивают свет к этой земле – уделу Богородицы, земле, просвещенной апостолом Андреем Первозванным и святой Ниной. Мои детские воспоминания света в Грузии с годами такие же яркие.

Я не могу поверить (хотя телефон не умолкает), что один православный народ – русский – воюет с единоверными братьями – православными грузинами.

Я прожила большую часть жизни в России. Москва – город, «где я страдал, где я любил, где сердце я похоронил». Москва – такая же моя родина, как Тбилиси. Когда началась война, мне звонили мои российские друзья сказать, что они любят Грузию. Это было важно и неловко. Говорят, у китайцев есть пожелание – не дай тебе Бог жить в историческую эпоху. Не дай нам всем Бог быть вынужденными выводить наружу такие глубинные, интимные вещи, как патриотизм, единоверие, любовь. С ними нужно просто жить.

Моя приятельница, русская, всю жизнь прожившая в Грузии, рассказывала о том, чему была свидетельницей в горном селе в Пшавии. Деревня эта тянется на большом расстоянии. Остались в основном старики. Связи нет. Доктор один на всю деревню и живет на самом ее краю. Среди ночи вдруг раздается крик: «Помогите! Нужен доктор!». Не раздумывая, хозяин выбегает из дома и бежит с этим же криком дальше, вдоль деревни. Бежит до изнеможения, пока его не сменяет сосед. Потом следующий. Пока не добегут до того, у кого есть машина и можно везти или больного, или доктора.

По-моему, нам сейчас пора, как в той деревне, бежать, становиться в цепь, придумывать что-то, главное – кричать «Помогите!». Помогите сохранить братскую любовь, свет, кровное родство грузинского и русского народов, с XV века установившихся дипломатические, церковные, человеческие связи...

С верой о Господе Иисусе Христе

Ирина БАГРАТИОН-МУХРАНЕЛИ

ПРОСТИ НАС ВСЕХ, ГОСПОДИ!

Я уехала в Москву из Тбилиси, когда мне было 15 лет. Уехала от самых лучших на свете бабушки и дедушки к родителям, которые жили и работали в Москве, и до сих пор чувствую свою вину: бросила, предала – родных, друзей, школу, любимые улицы любимого города, сам горячий тбилисский воздух.

Давным-давно мой дом – здесь, в Москве, здесь прошло три четверти моей жизни, здесь теперь все мои друзья, мой муж, здесь родились и выросли наши дети. Я очень люблю Москву, люблю летом гулять по бульварам или старым переулкам где-нибудь в районе Покровки – Китай-города. Здесь, в Москве, я обрела и свою духовную семью – в православной церкви и в родной общине.

И все-таки меня не оставляет чувство, что именно грузинское детство заложило основу всей моей жизни. Мир Тбилиси – это перекресток культур: грузинской, армянской, русской.

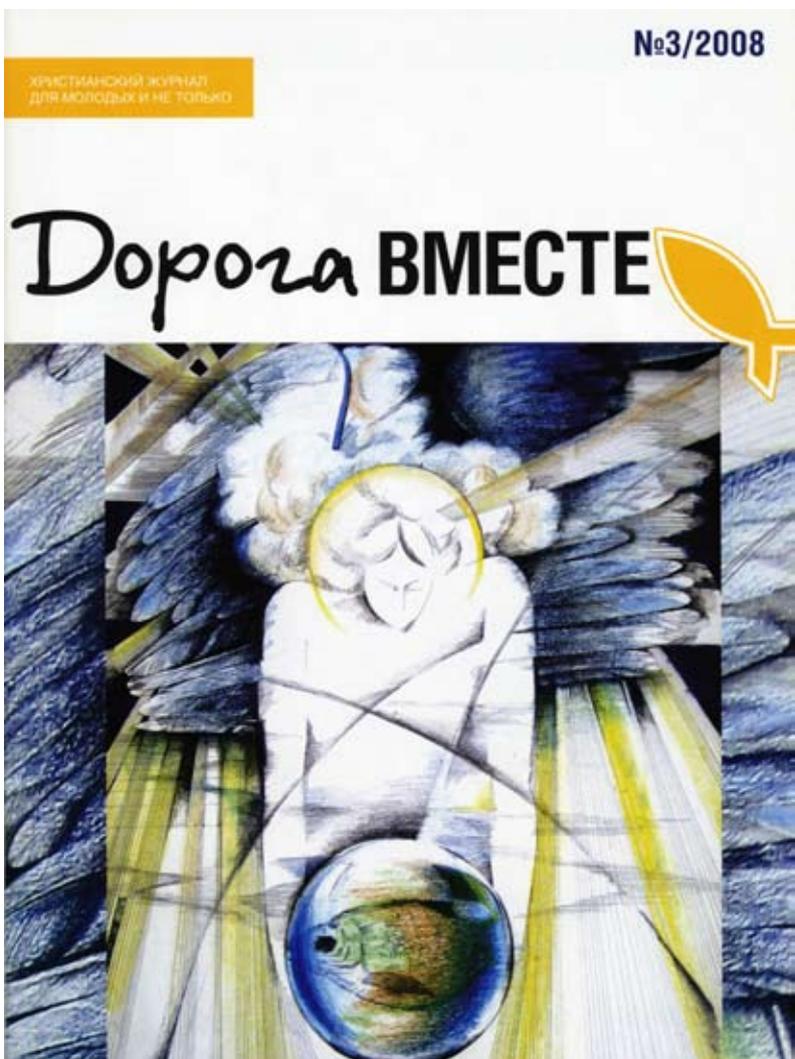
Все три языка, причудливо переплетаясь, сформировали мой внутренний багаж, мое языковое чувство (позже, на филфаке МГУ и в аспирантуре я занималась лингвистикой). Театр, проза, поэзия – по-разному входя в мою жизнь через каждый из трех моих родных языков (увы, сегодня я уже почти забыла два из них, погрузившись в стихию третьего – русского, в русскую поэзию, в русскую культуру – особенно тех, 1960-70-х годов) – помогли учиться думать, различать, где добро, а где – зло, хотя и не уберегли от собственных ошибок.

Но, может быть, корни человеческой личности формируются именно в детстве и в юности? – Я никогда не забывала той особенной тбилисской теплоты человеческих отношений, которая окружала меня в те годы. Где еще на день рождения или в праздники соседи угощают друг друга – не одного-двух, а весь двор – всем, что есть – не столько от избытка, но и из своих очень скромных возможностей – просто потому, что в понятие своей семьи, своего дома, входят все эти люди, с которыми можно иногда поссориться, перекрикиваясь с балкона на балкон – но можно и разделять друг с другом все: болезни, невзгоды и даже трагедии – без слов, слова иногда могут только мешать, – но улыбкой, словом, куском хлеба поддерживать, дать почувствовать близость, тепло, надежду, что тяжкие дни пройдут и что снова будет свет и мир.

И вот сегодня, когда у многих из них, из нас, у многих моих друзей – неважно, знают они меня или нет, – трудное время, время обид и непонимания того, что происходит, – я хотела бы быть там, с ними, с моими друзьями, чтобы передать им от меня и от моих здешних, русских, российских друзей – любовь, благодарность и извинения за то, что никак не смогли повлиять, предотвратить то, что случилось, что не постылись и не молились до кровавого пота о сохранении мира и о прекращении всякой вражды и ненависти – нет, не

Карина Черняк

между нашими народами, скорее – между нашими начальствами, теми, кто принимает решения, исходя из своих сегодняшних интересов, забывая, что в этом непрочном, шатающемся мире жить придется неслладко и им самим, и их детям и внукам. И пусть Бог простит всех нас!

Карина ЧЕРНЯК

Жанна Гречуха

Жанна Гречуха – москвичка. Окончила факультет журналистики МГУ. Журналист и поэт. Автор книг «Город фонарей», «Человек для карнавала», «Стихи», «Любовные письма», «Поэзия Булата Окуджавы», «Корзина сказок». С 1996 года – член Московского союза литераторов. Лауреат премии «Золотое перо» журнала «Сельская молодежь».

РОСА С ЛИКА СОЛНЦА

ПАСТОРАЛЬ

Какое счастье
Спешить туда, где ты.
В углу кувшин чернолощенный,
С цветами нежно-розового цвета,
Там плед на кресле
лампа на столе
И ноты Брамса, ноты Брамса!
Какое счастье к лифту подходить,
И не дождавшись, взбегать легко
наверх,

Туда, где ты...

какое счастье представлять все это:
Гитару, плед и ноты Брамса,
ноты Брамса!

Какое счастье думать о тебе!

РОСА С ЛИКА СОЛНЦА

Итак, задуманная книга начинает прорастать сквозь меня.

«Параллельные линии никогда не пересекаются». Я была так твердо уверена в этом постулате, что и не подозревала, что иногда по непостижимым причинам вымысел и реальность, сновидения и фантазии начинают влиять друг на друга, переплетаться корнями и ветвями и вдруг превращаться в некое астральное существо, именуемое «рукописью».

Мне придется монтировать эту книгу по эпизодам, кадрам, дублям. Будут черно-белые, цветные, затуманенные кинокадры. Документальные, в стиле «потока сознания», и нарочито постановочные. Книга - кино-сценарий. Книга — объяснение в любви. Книга, как иллюстрация к изречению секты дзэн:

«Что построено - разрушится,
Что выросло само, даст плоды».

Моцарт сказал Сальери: «Ты сочинишь, а я записываю».

ПРОФИЛЬ ИНДЕЙСКОГО ВОЖДЯ

- Вы успеваете записывать? - спросил он меня, улыбаясь.

- Конечно, тем более, что с диктофоном я не умею работать, техника меня не любит.

- Что делать? Все чувства взаимны!

Батона Автандил. Фантастический человек. Вот кто прилетел с другой планеты, с другой Галактики. Человек вне обстоятельств, вне времени и пространства. Человек Возрождения.

- Вашим друзьям придется смириться, пока я не запишу, хотя бы до 1960 года, я и не подумаю уходить.

Очередной друг вошел в его кабинет и посмотрел на меня с нескрываемым раздражением. Я улыбнулась, профессия была моим щитом, моими доспехами. Мне хотелось про него написать, посему никто и ничто не могло мне помешать.

«Это - как щелчок внутри тебя, - говаривал Шеф, - ты понимаешь, что материал сам начинает строить себя, а ты, как садовник, только поливаешь!»

- Вы расскажите мне про Америку?

- Мы до нее еще дойдем, а пока про мой род. Род Кухианидзе. И про моего отца. Мы жили рядом со стадионом. И по утрам я наблюдал, как сильные, молодые, красивые люди занимались гимнастикой, бегом. И я на всю жизнь полюбил и красоту, и здоровье.

Задумавшись:

- С детьми должны работать и общаться молодые, красивые, счастливые люди. Кстати, я не познакомил Вас с Чубчиком.

- А кто это?

- Это - отдельная история. Чубчик - это, как вы поняли, прозвище. Песенка моей и его молодости: «Чубчик, чубчик кучерявый». Мы с ним - с одной биржи.

Озорно улыбнулся.

«Биржа» - это угол улицы, на которой собираются все подростки, живущие рядом. Так мы по жизни потом и идем вместе, и помогаем друг другу, и поддерживаем.

- Дворовое братство. У меня тоже было «московское дворовое воспитание».

- Не верю! - воскликнул батона Автандил.

- Почему?

- У вас - буржуйское воспитание. Вы всегда держите

дистанцию. («Тогда уж лучше – «аристократическое», но без владения иностранными языками, придется согласиться с «буржуйским».)

- Чубчик оформляет все наши выставки. Он - человек неиссякаемой энергии.

- Ну, уж нет, позвольте вам напомнить, что я хочу написать о вас, о директоре детской картинной галереи города Тбилиси, а не о ваших многочисленных друзьях, соратниках, учениках и так далее.

Он, ласково улыбнувшись:

- Тогда пойдем, выпьем кофе. У меня такое ощущение, что вам хочется выпить чашечку горячего, черного, сладкого кофе.

И мы заворачиваем за угол и там, как в Париже, несколько белых узорных стульев на открытой веранде. «Есть очень немного людей, которые несут с собой такую же радость, как весна».

Автандил был именно таким человеком.

Моя соседка по номеру, в закрытой гостинице, на улице Читадзе, 8, юная и прекрасная в своей безалаберной жажде жизни и приключений, попросила меня познакомиться ее с моими героями, и я - увы! - согласилась.

- Батоно Автандил, можно я приеду к вам со своей соседкой по номеру, она никогда не была ни в какой картинной галереи.

- Она - москвичка?

- Да, к сожалению, у нее другие жизненные ценности.

- Тогда тем более! Обязательно приводите. А вдруг, после нашей встречи, в ней что-то изменится.

- Вы - идеалист, батоно Автандил!

- Мы с вами – «одной крови, вы и я!»

И подошел к окну, и сорвал кисть винограда.

Это был сентябрь, но из-за жары занятия в школах перенесли на начало октября.

- Мне все время хочется вас спросить: «А когда вы полюбили Грузию?» - Мы посмотрели друг другу в глаза. И я чуть - чуть покраснела.

- Честно?

Он очень серьезно:

- Но мы же друзья.

- Я люблю Нико Пиросмани и грузинское кино. «Жил певчий дрозд», «Листопад», «Пастораль», «Мольба», «Древо желания», «Ступень», «Круговорот».

Помолчала и добавила, нарушая дистанцию между Автором и Героем:

- Это - моя цивилизация. Как сказала мой редактор, Мила Сергиенко: «Запас моей любви к Грузии – неиссякаем».

- А песни вы тоже любите?

- Гапринди шаво, мерхцало. «Лети, черная ласточка». Для меня, Грузия - это вы и батоно Гурам Габашвили. - Он улыбнулся.

- А как насчет Театра Марджанишвили?

- Театр - это святое. Любый театр, самый убогий, самый провинциальный – «моя среда обитания». Я и вас - насмерть полюбила, потому что вы - Артист. Каждый ваш жест, каждая интонация, поворот головы – «включаем мотор и...начали!» Дубль номер... - Мы помолчали.

- Нет, актером я быть не хотел, но ведь педагог - тот же артист. С детьми необходима абсолютная искренность. Их не обманешь.

- Вы спешите? - Я смутилась.

- Так, когда придет ваша протеежа?

- Завтра, в двенадцать.

- Вы перевели свои часы на час вперед?

- Нет.

- Почему?

- У меня нет часов.

- Я от вас с ума сойду. И почему мы все так похожи?!

Часы, подаренные мне, остановились в третий день моего Первого Приезда в Тбилиси. И я заглянула в ту самую часовую мастерскую, под аркой, на проспекте Руставели, где забил свой единственный гвоздь Гия Певчий Дрозд. Возможно, я потом, просто носила их в сумочке, не могла же я ориентироваться во времени и пространстве - чисто интуитивно?! Впрочем, я всегда

дружила с уличными часами.

- А я вот что купила в вашем книжном магазине! Завидуйте! Последний экземпляр. Я за этой книгой охотилась всю мою жизнь, с тех пор, как прочла Паустовского. «Литературная богема Старого Тифлиса». Иосиф Гришашвили.

Я протягиваю ему книгу.

- Поздравляю. Наконец-то, ее издали по-русски.

Мargarита внимательно смотрит на обложку и спокойно обещает:

- Я скоро поеду в Кутаиси, и если там ее обнаружу,

ляются глаза.

- А это - зачем?

- Примета такая.

- От сглаза?

- «Береженного Бог бережет».

- А вы разве в Бога верите? Бога ведь - нет.

- Margarита, вы хотя бы в одной грузинской церкви были? В Храме Сиони, например, или на горе Мтацминда? Каждый человек должен сам выбрать для себя религию. САМ!

- А если я - полукровка? Мне моя мать всей правды не говорит, но я-то

знаю, что мой отец - еврей. Я поэтому и по математике хорошо училась. И по физике. Евреи - умная нация. Если я буду выходить замуж, то за грузинского еврея. Он если уж женится, никогда не бросит. А вам грузины нравятся?

- Настоящий грузин, истинный! - любит только одну женщину. Как Шота Руставели

царицу Тамару.

- Батоно Гурам, вы, правда, так думаете?

- Я в этом - уверен. Любовь, как призвание, может быть только одна. Твоя любовь, и твое призвание. И то, и другое, необходимо выстрадать.

- Цисана, вы знакомы? Это - Жанна, она приезжает к нам, потому что любит керамику Шроша и наши ковры. Вы ведь любите наши ковры, и кошмы? Вот Цисана - наш главный специалист по ковроделию, и сама - очень талантливый художник. Очень! Я, вообще-то, в глаза не люблю хвалить, но при вас - можно! Правда, Цисана?

Цисана - красавица, златоволосая, как Владычица лесов Дали.

- Я вам приготовлю чай, хорошо?

Мы сидим втроем и беседуем, и счастливее меня нет никого на свете.

Я так люблю их обоих, и эти картины

по стенам, и этот старинный особняк, и фотографии, и старые афиши выставок, и полки, заставленные чернокошеной керамикой. И совершенно неожиданно слезы мешают мне видеть их прекрасные, молодые, одухотворенные лица, и я явственно понимаю, что мы можем больше и не увидеться.

- Что, Жанна? - ласково говорит батоно Гурам, - что не так?

И наклоняется ко мне, и я вижу, что он — постарел, что у него - взрослые сыновья, и внуки, и масса проблем.

- Ребята, я вас так люблю, мне так хочется, чтобы моя любовь вас - защищала.

я вам - подарю.

- Чем вы интересуетесь? - спрашивает ее Автандил.

Она смеется. Ей двадцать два года, пышнотелая блондинка, нравится мужчинам, занимается торговыми операциями, мечтает «хорошо выйти замуж», но душа у нее добрая, ласковая, каждый вечер угощает меня пирожными и рассказывает про очередного кавалера.

- Я с ними всегда настороже, по-другому нельзя. А у вас здесь есть «свой интерес»?

- Я здесь в командировке. У меня несколько заданий.

Она готовит нам чай и серьезно спрашивает: «А журналистика - хорошая профессия?»

- Лучше не бывает.

- И вы ничего не боитесь?

- Нет. Ведь никто, кроме моего редактора, не знает, что я - в Тбилиси. Журналисты - суеверные люди. «Дело глаза боится».

- А вы мне, потом, в Москве, дадите почитать ваши статьи? - Я стучу по деревянной тумбочке, у нее округ-

- Что такое? - разводит руками Гурам Габашвили,
- Вам не нравится наше застолье? Завтра же беру вас на экскурсию. Пойдем в наш сейф.

Цисана с царственной небрежностью: «Это наш музейный запасник».

- Хочу показать ей нателный крест царицы Тамары. И перегородчатую эмаль. Вы когда завтра можете к нам подойти? В двенадцать удобно?

(В двенадцать в Театре Марджанишвили у меня встреча, с Главным Режиссером.)

Цисана и Гурам обмениваются мгновенным взглядом.

- Давайте, часа в четыре, я совершенно забыл, в первую половину дня мне бы неплохо поработать и самому. В своей мастерской.

Потом, в Москве, я спрашиваю Милу Сергеенко: «А какое придумать название для статьи о Гураме Габашвили?» и она, задумчиво и медленно произносит: «ДОМ, КУДА ПРИХОДЯТ ЗА ПОХВАЛОЙ». И я, которая совершенно не выносит, когда за меня придумают название, на одном выдохе произношу: «Гениально!», и как любимый автор (А я - любимый автор!) присваиваю себе - «ее заголовок».

- А что означает имя Гурам?

- На старогрузинском оно звучит, как ГВАРАМ. Вообще-то это княжеское имя. Крестьянам его не давали. Человек должен гордиться своим родом, своими предками. И когда он начинает готовиться к уходу, он понимает, в его честь потом будут называть его правнуков. Честь имени, честь рода.

Помолчал, и совершенно неожиданно:

- А почему Вы решили заниматься народным искусством?

- Потому что я обожаю праздники. И лето. В русском народном искусстве, всегда присутствует лето: «лето красное, лебедь белая», и в игрушках, и в вышивках, и в деревянной резьбе. И потом, мне нравится совмещать приятное с полезным. Я пишу - и учусь. Вот ведь и вы меня признали, когда поняли, что в глине я - художник, бедно, но тоже разбираюсь. И потом мне хочется написать и о мозаике, и о ювелирном искусстве, и о чеканке. Потому что - это мой мир.

- А театр?

- Театр и кинематограф меня не позвали. А даже наоборот - отпустили. А народное искусство меня всегда одаривает. Щедро и бескорыстно.

Батоно Гурам мягко и тихо:

- Любовь всегда взаимна.

- Всегда? - обреченно спрашиваю я.

- Можете мне поверить, если любовь - то взаимна.

Но ее необходимо оберегать. У нас есть такая пословица: «Свою любовь нужно прятать, так же хорошо, как ворованную лошадь».

- Странные у вас пословицы.

- У каждого народа пословицы - это шифр характера. Хотите еще одну?

- Про любовь?

Смеется.

- «Только любовь делает шипы у роз мягкими». А у Вас какая любимая пословица?

- Латинская. «В любви нет завтра».

- Очень, очень хорошая пословица. Я ее раньше не слышал.

- Латынь - фантастический язык. КАСТИС ОМНИЯ КАСТА. «Чистым все кажется чисто». Я вообще люб-

лю пословицы, сказки, притчи, легенды. Это - как орнамент. На коврах. Только для посвященных.

Строго посмотрел на меня.

- Сколько у нас с Вами в запасе времени?

- Батоно Гурам, я приехала специально для наших бесед. Как сказала одна моя молодая подруга: «Душа не терпит расписаний».

- Но ведь у вас в Тбилиси много друзей. И они вас ждут. И вы хотите с ними увидеться. Я не могу про это не думать.

- До восьми вечера, у меня - только ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА.

А вечером - Театр. Запретная, неизлечимая, сладостная любовь! Главный Администратор, высокий, сытый, нагловатый, лет пятидесяти, вдруг превратился в застенчивого юношу, когда стал рассказывать, как вернувшись из армии, с вокзала, приехал ночью и пешком - «сначала по одной стороне проспекта Руставели; потом - по другой. Я здоровался с каждым домом. Для нас проспект Руставели - это наша гостиная».

- Вы - ведь закончили театральное?

- Как догадались?

- Это - как клеймо, не смывается.

- Да. И, между прочим, хороший был артист. Помню, когда мы были в провинции, смотрели в щелочку: если в зале пять человек, играем «так себе», если три! Тогда - только для себя! Тут уж - выкладывались. Теперь вот - администратор. Тоже - роль.

Мы ехали в машине, и он неожиданно остановился, вышел, и я увидела киноэпизод.

Двое мальчишек дрались с ожесточением темпераментных подростков. Он подошел к ним, и очень вежливо, очень спокойно стал им объяснять «правила игры». Потом приобнял за плечи, погладил по голове и вернулся к машине.

- Так на чем мы с вами остановились? Ах, да, почему я теперь - администратор. Может быть, свое - отыграл. У меня - сын хочет поступать в театральное. Я с ним по-мужски долго разговаривал, все ему объяснил. А он выслушал и согласился, что если без сцены не сможет, то тогда - только СЦЕНА. Я ему говорю: «Это как с женщиной, если без нее дышать не сможешь, тогда она - твоя судьба, а если и другие нравятся, тогда нечего ни ей, ни себе сердце надирать». А вы только про нашего Главного будете писать?

- Нет! Еще про Медею Кучухидзе, про Гуранду Габуния, про Лали Росеба.

- Лали живет в Москве. Молодая, красивая. Драматург. Она еще и художница. Вы с ней не знакомы? Нет? Значит еще познакомитесь.

Обернулся.

- А вы почему сели на заднее сиденье?

- Из суеверия.

- Я - хороший водитель.

- А я - хороший журналист.

- Тогда не обижайте наших мужчин. Вы, москвичи, иногда ведете себя... по-московски. Но я вас прощаю!

И засмеялся - актерским смехом «веселого человека».

«Книга пишущего не бросает. Люди, судьбы, хотят жить, хотят дальше жить».

Марина Цветаева

ТБИЛИСОБА

- Вам нужно обязательно приехать к нам на Тбили-

собу.

- Берикаоба, Тбилисоба.

Батоно Гурам улыбнулся.

- Берики - бродячие артисты. А в конце октября с гор спускаются все наши знаменитые фольклорные хоры. Хевсурсы, сваны. Вообще – все стараются показать свое искусство. На набережной строят усадьбы, и весь город покоряется празднику.

Нет, нет! Я не хочу вам описывать в подробностях, приезжайте! Я вас приглашаю.

Потом я написала стихи.

А праздник трубил в трубы,

И бил в барабаны,

А по набережной

Чинно и неторопливо

Шли четыре верблюда,

И четыре погонщика.

Мне запомнилась эта набережная, с медной листвою платанов, с воздушными шарами, плывущими по воде, со стайкой молоденьких девушек в нарядных шуршащих юбках и пестрых шарфах. И почему-то, вьетнамцы в сванских шапочках.

И запахи! Свежевыпеченного хлеба, мандаринов, гранатового соуса и острых приправ. Запах грузинского застолья, запах щедрой осени.

А я стояла и смеялась,

И смотрела на этот

Станный, необъяснимый

Осенний полдень.

Музыка, смех,

верблюды...

И радость - от одного

Только слова:

«Тбилисоба!»

Тогда, в мои первые приезды в Тбилиси, я еще не придавала серьезного значения своим стихам, мне еще нравилось быть просто «корреспондентом молодежного журнала». Мне не хотелось менять «ролевою установку». Стихи меняли в моей жизни все.

Они пробивались, как трава сквозь асфальт, будили меня по ночам, настигали в метро и требовали, чтобы я не только их записывала, заучивала наизусть, но и проживала.

Когда уходит год,

Когда он кончается,

И рождественские морозы

Распугивают птиц

и детей,

О, как легко я тогда

вспоминаю:

Весну и море, и старую

крепость

В Дербенте,

И еще Тбилисобу,

Чудесную, звенящую,

Красочную Тбилисобу,

И эти шары, которые

плыли по реке,

И запах свежевыпеченного

хлеба,

И музыку,

музыку,

музыку!

Которая наполняла

весь город

Легким, кружащим голову,

Счастьем,

Опять ощущать себя,

Молодым

и влюбленным,

И ничего, ничего отныне

Не боящимся

потерять!

Я повторяла «цветаевское»: «Господи, что мне сделал этот Город, что я его так люблю!»

Те, первые три дня, когда я прилетела в Тбилиси, рейсом «Сочи-Тбилиси», после Сочинского фестиваля, и была абсолютно уверена; что никогда больше не вернусь к нему, ибо «второй раз в тот же город я в командировку не приезжаю», неписанный закон разъездных корреспондентов.

Город принадлежал мне, а я - Городу. Мы наслаждались общением, вспомнилось, как Станислав Рассадин заметил однажды: «Честно говоря, я не представляю себе влюбленного, замечающего хотя бы какие-нибудь недостатки у предмета своей любви».

Я - в ореоле счастья. И Город щедро одаривал меня своей солнечной, сверкающей, театральной аурой. Театральной! Потому что - вечером, его улицы превращались в декорации премьерных спектаклей. Карло Гольдони, Карло Гоцци и Педро Кальдерон и Тирсо де Молина. Ни на мгновение не удивилась бы, увидев героев и героинь их пьес, здесь, среди узорных балконов, украшенных коврами.

ГИЯ ПЕВЧИЙ ДРОЗД

Гия Певчий Дрозд сопровождал меня и осторожно, ненавязчиво подсказывал: «Посмотрите, вон там, на третьем этаже, старая дама раскладывает пасьянс. Кстати, пасьянс, в переводе с французского – «терпение».

- Почему Вы меня называете: «Гия Певчий Дрозд»?

- Но ведь вас же зовут Гия? Вы просто материализовались из моих стихов, моей любви, моей и тоски по стране Сакартвело и весенне-летнему Тифлису.

Он вздохнул.

- Я три года не был на родине. Так странно, весь наш класс разлетелся по миру. Хотели встречу устроить. Никогда не могли город выбрать. Кто в Нью-Йорке, кто в Берлине, а я вот в Москве.

- Когда вы вошли в мастерскую Льва Мелихова, я успела сказать: «Наконец-то, здесь нет никакой Грузии, и я - опять свободна!»!

- Да, я заметил, что вы довольно странно среагировали на мое «Здравствуйте!»

- Странно! Да, я чуть в обморок не упала. Явь смешалась с вымыслом, как в фильмах Феллини. Вместе с вами опять в мою жизнь ворвался и заполнил душу Тифлис.

И тогда он неожиданно спросил меня: «А как вы относитесь к Параджанову? Я работал у него ассистентом на фильме «Цвет граната». Вы не бывали в его доме, в Тбилиси?»

- Нет. И в доме Софики Чиаурели - не была, и в других знаменитых домах тоже. Я просто бродила по улочкам вверх и вниз. Бесконечно!

- Вы любите бродить в одиночестве?

- Ритуал. Последний день любой командировки.

Только я и Город. Вы мне напоминаете одного моего Героя, Вы могли бы быть его сыном. Вы ведь тоже учились игре на скрипке, французскому и вас в детстве водили на теннис? Я угадала?

- Обычное дворянское воспитание. А вы мне, знаете кого напоминаете? Князя Гурамишвили. Моей прабабушке понравилось его поместье, и мой прадедушка решил сделать ей подарок. Приехал посмотреть. Поместье - прекрасное. Князь Гурамишвили, веселый, играет на гитаре, крестьяне - оборванные, голодные. Мой прадедушка говорит: «На поместье моих денег хватит, но ведь нужно же еще и крестьян накормить». А князь Гурамишвили удивился: «Зачем?». Так мой прадедушка поместье и не купил.

Ваша жизнь, и ваше настроение не могут зависеть от обстоятельств.

Вы заметили: каждый раз, когда мы с вами встречаемся, вокруг нас начинается разыгрываться сюр.

- Это потому, что мы с вами - киношники. Расскажите про Параджанова.

- Хорошо. Тогда про прием с устрицами. Во время войны, кто-то сообщил Параджанову, что у одного его знакомого появилась бутылка армянского коньяка. «Нужно было его чем-то завлечь. И тогда я придумал как». Параджанов был фантастический рассказчик! Он стал всем своим знакомым сообщать, что ему кто-то из родственников на военном самолете, прямо из Парижа, прислал коробку устриц. И он - устраивает прием. При свечах. И приглашает всех. Ну, и разумеется владельца армянского коньяка. Можете себе представить: прекрасная посуда, белая скатерть, свечи, хрусталь, музыка. И кто-то вносит огромное блюдо с устрицами.

Шквал аплодисментов. Параджанов счастлив! (Мой спутник чуть насмешливо смотрит на меня сквозь свои модные, «задымленные очки».) Но тот недоверчивый владелец армянского коньяка, решил все-таки заглянуть на кухню. И что же он обнаружил? Двое молодых людей быстро и весело разрезали маринованные грибы и складывали их в раскрытые речные раковины. Что тут началось! «Обманщик! Плут! Негодяй!» Думаю, что кричал он и другие обидные вещи. Параджанов спрятался в какую-то каморку, задвинул дверь шкафом и оттуда кричал, во всю мощь своих легких: «Идиоты! Я же хотел хотя бы на час превратить вас в аристокра-

тов!»

Закурил и грустно сказал: «Как жаль, что не смогли выкупить Дом Параджанова. Там до сих пор - его душа».

- Почему бы вам не записать все его истории?

- Наверное, еще не пришло время.

- «Кто не готов сегодня, тот еще менее будет готов завтра». Латинское изречение.

- Это может стать девизом на гербе. Кстати, а ваш - личный девиз?

- «Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть».

ИЗЯЩНЫЙ СЛИВОЧНИК ОРАНЖЕВОГО ЦВЕТА

Фиолетовые персиковые деревья и нежно-лимонные пушистые мимозы, пещерный город, горы, тоннель, освещенный тремя лампами: на входе, посередине и на выходе, дом-музей Ильи Чавчавадзе, уютный городок Тержола. Мой герой, Раинди, про которого я так и не написала, потому что для писания («Все пишут, а ты – колдуешь», «Ваше горячее - радость, а вас хотят приучить работать по методу включенного уюга») мне нужна была только концентрация и... «любовь и погружение в материал».

Я наивно верила, что «когда-нибудь я про него обязательно напишу». Вот только поднакоплю мгновения счастья - и вперед! (Как там говаривал Немирович-Данченко: «РАССТЕЛИ КОВРИК И ИГРАЙ!»)

Раинди, в переводе с грузинского «рыцарь» пригласил меня домой.

- Я хочу познакомить Вас с моим отцом, он до войны закончил Академию Художеств, в Тбилиси, но потом вернулся в Терзолу. Он очень хотел, чтобы я тоже стал

керамистом.

В тот мой второй приезд в Грузию, я еще не знала всех этих милых обычаев, ритуалов, старинных, неписанных законов гостеприимства. Я не знала, что никогда не нужно ничего хвалить, ничем восхищаться, потому что тебе немедленно эту вещь тут же дарят. И отказываться ни в коем случае нельзя.

- Какой изысканный сливочник, такого неожиданного цвета. Откуда он?

- Это все, что осталось от моего дипломного сервиза. Я сам придумал этот цвет. Вам понравился мой сливочник, значит он - ваш. Возьмите его с собой, в Москву. Он будет вас радовать.

Так он и стоит с тех пор, с апреля 1983 года на деревянной полке, в моей таверне «У Жанетты» среди глиняных игрушек, чернолощенной керамики и прочих заморских редкостей.

Безмолвным укором.

Не написала. Не восславила. Не поделилась радостью с читателем.

«Вещи, которым я отдал душу,
По частям расточают меня».

Чьи это строки? Почему они волнуют мне душу?

БУКЕТ АЛЫХ ГВОЗДИК

В командировке меня, как столичную журналистку, сопровождал молодой поэт, переводчик с английского, французского и еще нескольких европейских языков, элегантный, респектабельный и обаятельный плейбой. Как только мы с ним появились на веранде местного ресторана, мне немедленно передали с соседнего столика огромный (не менее пятидесяти) букет алых гвоздик.

- Что мне с ними делать?

- Улыбнуться и поклониться. А я попрошу вазу. И вообще, ведите себя, как... римлянка в одной из своих провинций.

- Неплохо.

Так этот букет и путешествовал со мной все семь дней, из гостиницы в гостиницу и потом в самолете. И почему-то никак не хотел отцветать.

ИСКУССТВО МОНТАЖА

Это жизнь нельзя прожить: «сначала начерно, а потом - набело», а вот в Стране Воспоминаний принцип монтажа срabатывает с точностью хорошо отлаженного компьютера.

«У памяти хороший вкус».

Как у кинорежиссера, обладающего врожденным вкусом и интуицией. «Счастье нельзя описать, его только испытываешь», но я - из

породы «пищуших». Это обо мне - притча про придворного поэта.

Один султан объявил, что ему необходим придворный поэт. Триста человек явились во дворец. Каждому из них пожаловал султан дворец, гарем, бумагу, перо и чернила. Через месяц такой прекрасной жизни, сто пятьдесят человек перестали писать стихи. Султан прогнал их, а остальных посадил в тюремные камеры, приковал цепью к стене, посадил на хлеб и воду. Но повелел оставить бумагу, перо и чернила. Сто сорок девять - умерли. А один - продолжал писать! Вот его-то и сделал султан своим «придворным поэтом».

Как нарядный летний букет из лесных и луговых цветов и трав, так и я собираю свои «грузинские впечатления».

«МОЙ ГЕНЕРАЛ»

«Что построено - разрушится,
Что выросло само - даст плоды».

(постулат секты дзэн)

- Вы едете в Тбилиси? У меня к вам просьба: разыщите генерала Шувалова. Он мне жизнь спас. Когда меня в армию забрали, он был нашим полковником. Увидел мои эскизы (я «красный уголок» оформлял) и так профессионально стал их разбирать, а потом говорит: «Пусть ночует в «красном уголке», если он, конечно, не против». Представляете?! Какой человек! Красавец, спокойный, никогда голоса не повышал. Я бы хотел пригласить его на свою выставку, но я же - солдат, а он теперь генерал. Это ощущение остается на всю жизнь. Дистанция. А вы - журналист, вам так просто: зайти в Дом офицеров, узнать его адрес или телефон и пригласить.

Смутился.

- Он меня, конечно, не помнит, что я для него? Солдатик-оформитель. Но статью про нашу школу ему можно послать.

И я пообещала Валерию Куцеву, директору детской художественной школы из поселка Мамет-Кала, в Дагестане, встретиться с генералом.

Дивная профессия - журналистика! Со сколькими яркими, незабываемыми личностями я познакомилась, благодаря своему статусу: «специальный корреспондент отдела культуры журнала «Сельская молодежь» (или «Крестьянки», «Студенческого меридиана» и других изданий, от которых я приезжала в страну Сакартвело).

Дом офицеров на проспекте Руставели. Библиотекарка, скромнейшая, тишайшая дама в очках, среднего роста, в белой блузке и темной юбке. «Генерал Шувалов? Я ему позвоню, он к нам часто заходит в библиотеку. Он тут недалеко живет».

Арифеник Николаевна Саруханова.

- Вы мне позвоните по этому телефону, и я вам сообщу, когда вы можете с ним встретиться. Его зовут Владимир Григорьевич.

Он появился «в кадре» - как гвардейский офицер, иной эпохи, страны, иного времени. Офицерская выправка, мягкая улыбка, внимательные, умные, добрые глаза. В таких влюблялась юная Марина Цветаева, когда воспевала своих героев «1812 года».

Пожатье его руки было ласковым и сильным.

- Я хочу взять у Вас интервью. Все-таки не каждый день встречаешься с генералом. Тем более, если о нем вспоминает мой герой. У него сейчас, в Детской картинной галерее выставка работ его учеников. Валерий Куцев. Он служил в Вашем полку. Не помните?

И я рассказала про «красный уголок», и про то, как он, командир полка разбирал его эскизы.

- А почему Вы – «профессионально» разбирали его эскизы?

- А я после школы, вместе с Димкой Жилинским поступал в художественное училище. Мы с ним оба из одного города. Только он не послушался, а я - был дисциплинированным человеком. Нам сказали: «Вас готовят в военные училища, а не в художники. Вы - комсомольцы и должны делать то, что прикажут». И я поступил в военное училище, а Димка стал художником. Известным.

И посмотрел: как я реагирую на фамилию Жилинский.

- Репродукции его картин часто публикуются.

- Да, я за него очень рад. Он - талантливый.

- А Вы запретили себе рисовать?

- Нет, не сразу. У меня есть даже несколько работ маслом. Портрет моей молодой жены, несколько пейзажей. Я однажды даже тигра кому-то в подарок сделал. Выжиганием стал увлекаться. А потом - подумал: «Зачем?» Да и смеяться начнут: «И сам рычит, и вот тигра – изобразил». А Вы к нам, в Тбилиси, надолго?

- На десять дней, я завтра уезжаю в селение Шроша. С Гурамом Габашвили. Он занимается народными художниками. Улица Горгасали, дом 3. Мы с ним оба уверены, что призвание убить нельзя. Оно все равно прорастет, как трава сквозь асфальт. Спасибо Вам за то, что согласились со мной встретиться.

Протягиваю светски руку. Он, вдруг, растерянно, по-мальчишески:

- А статью вы мне пришлете?

- Всенепременно. На Ваш домашний адрес.

Валерий Куцев при нашей следующей, московской встрече, спросил:

- Ну, как Вам - генерал? Правда, потрясающий?

- Из Зеленой книги. Таких уже не восстановишь.

- А журнал Вы ему послали?

- Из редакции. На фирменном бланке, вежливое письмо.

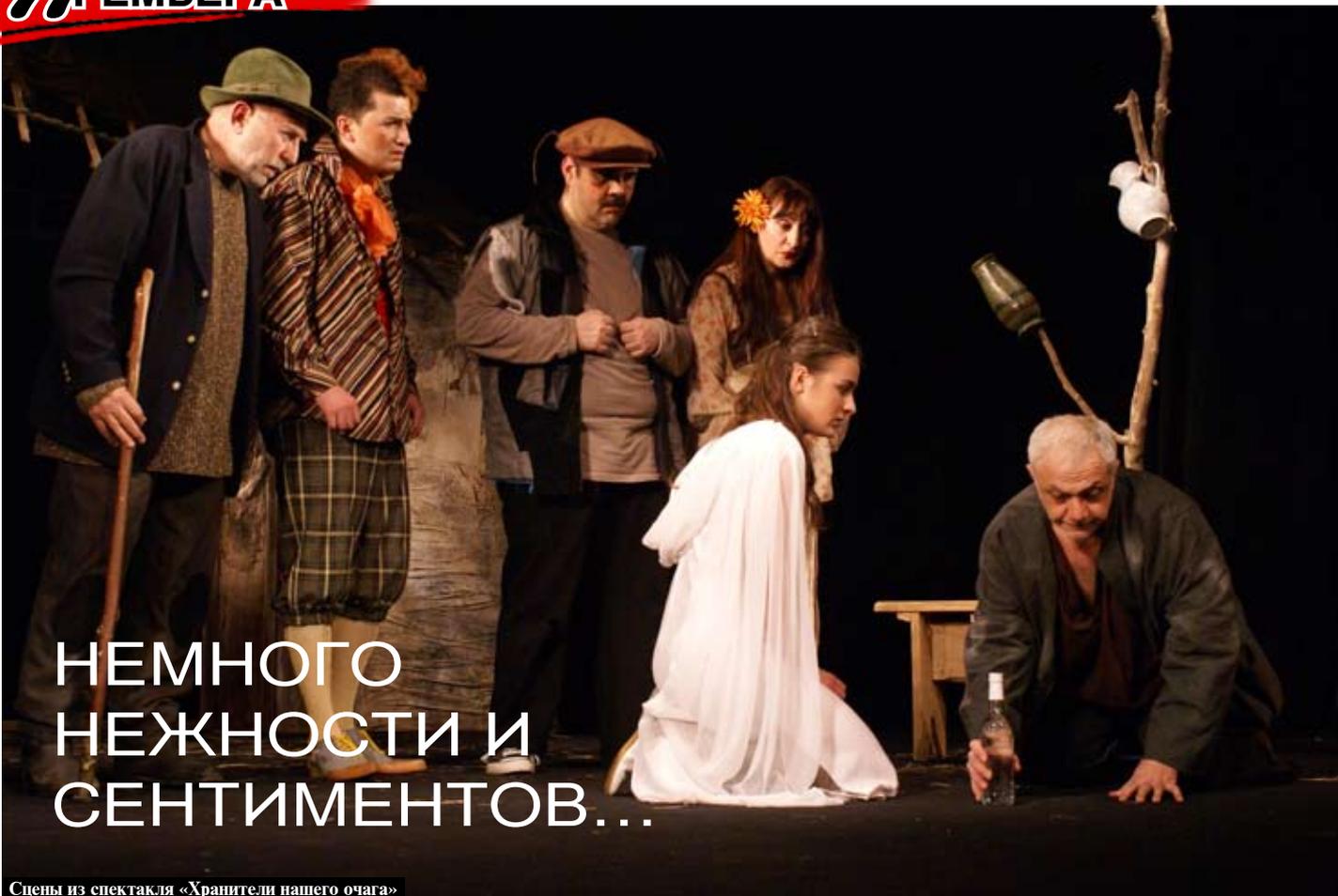
- Хорошо бы день такой придумать. День Благодарности. Один мальчик даже сочинение написал: «Кем ты хочешь быть?» Он написал: «Министром праздников». Правда, он живет не у нас, а в Канаде.

Мне фантастически везло, я всегда видела Тбилиси - нарядным, смеющимся, праздничным.

(Окончание следует)

Жанна ГРЕЧУХА

НЕМНОГО НЕЖНОСТИ И СЕНТИМЕНТОВ...

Сцены из спектакля «Хранители нашего очага»

Грибоедовцы открыли сезон премьерой - спектаклем Автандила Варсимашвили «Хранители нашего очага». Давно мы не видели такого душевного, тепло-го спектакля, обращенного к нашему сердцу, способности чувствовать и сострадать. Немножко сентиментов в наш отнюдь не сентиментальный век никому не помешает. «Хранители нашего очага», на мой взгляд, обречены на зрительный успех, потому что стирают все социальные, национальные и иные различия. Спектакль, пронизанный лиризмом, заставляет задуматься о том, что все живые существа, люди и звери, «одной крови» и все – одинаково смертны. И эта изначальная приговоренность к неизбежному исходу сближает братьев наших меньших с нами, грешными. Помещение, в котором обитают животные и птицы, вызывает ассоциации с Ноевым ковчегом (художник Мириан Швелидзе)... На нем библейский персонаж, как известно, пытается спастись и спасти Божьих тварей в этом безумном-безумном-безумном мире, что и символизирует всемирный потоп. Все мы плывем в одной лодке! – убеждают нас создатели спектакля. И разница между нами, людьми и животными, в сущности, не так уж велика.

Звери и птицы в постановке А. Варсимашвили разговаривают и понимают все, о чем говорят люди. А вот обратной связи нет: люди (за исключением единиц избранных) не слышат бессловесных тварей, относятся к ним потребительски, а порой – жестоко... Душе-раздирающий момент спектакля – убийство Хозяином (Михаил Амбросов) невинного Ягненка – агнца Божь-

его (Мария Кития). И вновь рождаются библейские, религиозные ассоциации, которые накладываются на нашу реальность, в которой человек человеку волк. Чтобы выжить самому, часто приходится быть беспощадным к ближнему. Какие уж тут сантименты?

В новом спектакле есть интересные актерские работы. Оживляет сценическое повествование Арчил Бараташвили в роли самодовольного, надутого, эгоистичного, но очень информированного Петуха, в котором угадываются не только птичьи, но и человеческие черты. Эдакий шекспировский Мальволио! На помощь актеру приходят и внешние приспособления – выразительная, «говорящая» пластика, удачный грим и костюм.

Обаятелен, игрив и чувствителен Пес – Михаил Арджеванидзе... А Нана Дарчишвили создает романтический образ коровы. В ней ощущается мягкость женщины, ожидающей появления на свет ребенка. Трогает любознательный и любвеобильный Ягненок в исполнении юной Марии Кития, перевоплощающийся после гибели в Ангела... Наконец-то исполнилась мечта агнца – научиться летать! Но, подобно совсем другому персонажу, знакомому по русской классической литературе, ТАМ он страдает от холода и одиночества, и полет не приносит наслаждения.

Не менее убедителен в спектакле мир людей – актеры Михаил Амбросов, Ирина Квицинадзе, Ираклий Апакидзе создают образы далеко не совершенных и совсем не счастливых людей, живущих по обычным законам человеческого общества. В нем чаще всего

глухи к боли братьев наших меньших. Но иногда случается чудо – опустившийся пьянчужка (И. Апакидзе), не утративший способность к состраданию, вдруг начинает понимать язык животных. И он готов скорее покончить счеты с жизнью, чем убить старого Коня (Георгий Туркиашвили)... Вполне традиционную пару влюбленных играют молодые актеры Дима Спорышев и Этери Маглакелидзе, в их чувства веришь...

О перспективах нового сезона рассказал управляющий театром Автандил Варсимашвили:

- Предстоит интенсивная работа. В этом сезоне я намерен выпустить немало спектаклей. Первую мою постановку зрители уже увидели. Готовится к выпуску спектакль по «Сказке о царе Салтане» Пушкина. Это отнюдь не только постановка, приуроченная к новогодним праздникам. Это будет грамотно сделанный, добротный пушкинский спектакль, и мы надеемся, что будем играть его не только в новогодние дни, а в течение всего сезона и в дальнейшем – для школьников и не только. Сразу после этого состоится еще одна премьера – Гоги Маргвелашвили осуществит постановку пьесы Э. Радзинского «Убить мужчину, или Я стою у ресторана». А Вахтанг Николава поставит «Карьеру Артуро Уи» Бертольда Брехта. Задуман также

совместный грузино-украинский проект – «Ревизор» Гоголя. Над воплощением этого замысла будет работать замечательный киевский режиссер Стас Моисев... Есть еще одна новость – главным режиссером театра имени Грибоедова недавно назначен Гоги Маргвелашвили, ректор Грузинского университета театра и кино. Именно он выпустил предыдущую группу молодых артистов, пополнивших труппу нашего театра. Гоги любит Грибоедовский – кстати, свой первый, дипломный спектакль он поставил именно на этой сцене. Я ему давно предлагал перейти к нам и вот уговорил... Думаю, это назначение принесет пользу театру имени Грибоедова.

- Вы поставили спектакль «Господи, благослови нас и людей!» на сцене Свободного театра, а потом перенесли его на грибоедовскую площадку, правда, под другим названием – «Хранители нашего очага». Почему вы приняли это решение? И в чем различие между двумя постановками?

- Если говорить откровенно, я решил перенести спектакль из чисто экономического соображений. Можно было просто перенести декорации и костюмы из одного театра в другой – и все. Это – во-первых. Во-вторых, эта идея пришла в голову Ариадне Шенгелая после того, как она посмотрела спектакль на сцене Свободного театра. По ее мнению, его было необходимо поставить и в театре Грибоедова, потому что русскоязычным зрителям тоже нужен спектакль о добре, о любви. Так и возникла авантюрная мысль переносить декорации и костюмы из театра в театр и играть совершенно разные спектакли.

- Собираетесь еще раз повторить этот опыт?

- Нет, зачем же? Вообще повторяться никогда не надо. Собственно, спектакль Свободного театра и постановка грибоедовцев отличаются друг от друга. Первый – эксцентричнее, второй – сентиментальнее. Я всегда исхожу из особенностей актерской игры. Грузинские актеры эмоциональнее, эксцентричнее – это отразилось на спектакле. А грибоедовцы более лиричные, грустные – таков и творческий результат...

- Русская и грузинская театральные эстетики?

- Думаю, да... Но все зависит и от материала.

- В недалеком будущем зрителей ожидает премьера пушкинской «Сказки о царе Салтане». Чем удивите нас?

- Это будет спектакль для тех, кто любит пушкинское слово. Такими могут быть как дети, так и взрослые. А ключи к постановочному решению я нашел у самого Пушкина. Гениальные люди всегда подсказывают сами. В этой сказке затаена огромная стихия игры. И она дала мне толчок к художественному поиску... От репетиционного процесса я получаю большое удовольствие, потому что каждое слово Пушкина – гениально! Да и актеры репетируют с радостью, с энтузиазмом. Я использую в постановке русский фольклор, народные ритуалы, обряды. И даже смеюсь: «Впервые за десять лет своего художественного руководства я наконец-то ставлю по-настоящему русский спектакль!»

- Расскажите, пожалуйста, о своих перспективных проектах.

- Собираюсь снять серию фильмов по своим спектаклям. Один я уже сделал – картина «Идиотократия» с успехом идет на экранах страны. В планах – сделать фильмы по «Комедиантам», «Кроткой» и

«Russian блюз». О конкретных сроках говорить рано - пока что я не получил всю необходимую технику. По ходу приходится изучать, осваивать новую аппаратуру, основанную на современных цифровых технологиях Red Cam. «Идиотократия» стала практически тестом по освоению камеры. И мы с ним неплохо справились. Я создал маленькую киностудию малобюджетных фильмов. Если ждать больших денег для больших фильмов, можно просидеть без дела всю жизнь. Лучше работать, действовать, чем бездействовать. Поэтому я пользуюсь тем, что у меня совершенно необыкновенные, теплые отношения с моими актерами, которые согласны работать со мной даже бесплатно. Словом, я собираюсь снять несколько таких фильмов.

- Вы как-то сказали, что собираетесь восстановить «Russian блюз» на грибоедовской сцене.

- Я хочу переделать прежний спектакль, но пока не знаю, в каком контексте это нужно осуществить. Потому что последние политические события заставляют многое переосмыслить...

- Заострить?

- Да... а может, что-то убрать.

- А спектакль «Мастер и Маргарита» мы в этом сезоне увидим?

- Я хотел бы показать «Мастера и Маргариту», но у нас в театре сложилась такая ситуация, что кого-то надо заменить, но мне бы сейчас не хотелось этим заниматься. А весной посмотрим.

- Авто, когда-то вы собирались учредить театральную премию, судьбу которой должны были решать двенадцать критиков. Идея умерла, не родившись?

- Идея не умерла, но отошла на второй план в связи с политическими событиями в нашей стране. Конечно, надо работать, действовать, но очень сложно устраивать праздники в Грузии, где люди нуждаются, голодают, плачут. Для любой затеи нужны финансы, а в послевоенной стране их достать практически невозможно. Тем более, что к этому добавился всеобщий экономический кризис. А делать все бесплатно? Жалко свою энергию, уж лучше я направлю ее на что-то другое. Года полтора - два всем нам будет одинаково трудно жить, придется бо-

роться, выживать, очень много работать. А роскошь нужно отложить. Вот такой роскошью был бы сегодня такой театральный фестиваль. А завтра он может стать необходимым.

- Грибоедовскому театру в нынешней ситуации тоже будет непросто выживать. Сыграют свою роль как объективные, так и субъективные факторы, не так ли?

- Я думаю, что театр имени Грибоедова еще долго будет существовать в этой стране и переживет всех нас. Какая бы война ни была, люди не забывают языка, на котором говорят! В этой стране достаточно много людей, говорящих на русском. Для кого-то русский - родной язык, для других - средство общения

с миром, для третьих - язык, который они не хотят потерять и стремятся сохранить его для своих детей. Так что у людей есть потребность в русском театре. Может быть, количество зрителей не такое большое, как нам хотелось бы, но в любом случае Грибоедовский нужен нашей стране. Сколько бы мы ни говорили о НАТО, США, русский язык – второй, пусть и не государственный язык в Грузии. Может быть, в этом проблема или беда нашей страны, может быть, ее судьба, но реально это так. Подумайте, какой язык может стать рядом с грузинским, кроме русского?

- *Английский?*

- Нет, нет... В настоящее время английский язык знают в Грузии не так уж много людей, а русский – знают! И еще один момент. В Финляндии функционирует шведский театр, в Германии – французский, и это – норма!.. Что касается русских театров, то они остались во всех бывших республиках Союза. Более того, когда Литву принимали в Евросоюз, одним из положительных факторов было то, что в этой стране функционирует один из лучших русских театров. А сейчас, когда ни Литва, ни Эстония не разговаривают на русском языке – не хотят, и в Таллинне, и в Вильнюсе русский театр существует и хорошо финансируется государством. Кроме того, в нынешнем году русский театр в Вильнюсе возглавил по просьбе президента страны выдающийся литовский режиссер Йонас Вайткус. Потому что государство понимает, что русский театр нужно поддерживать. Если ты хочешь быть демократической страной, ты должен показывать это во всех областях. И, в первую очередь, - в гуманитарной сфере.

- *Иногда приходится слышать, что театр, существ-*

ующий не на своей национальной почве, неизбежно уступает национальному – по своему уровню. А как вы считаете?

- Все зависит от творческих сил. Театр не может быть в авангарде или арьергарде только потому, что он национальный или ненациональный. Это, конечно, ерунда. Если бы мы ставили «Мастера и Маргариту» на финском или немецком языке, у нас все равно были бы зрители. Главное, как ты ставишь, как твои актеры играют и какая энергетика передается зрительному залу. Слово играет в театре огромную роль, но это происходит только в том случае, если оно талантливо доносится до зрителей. А если это происходит неталантливо, то абсолютно все равно, на каком языке звучит текст.

- *Вы сказали, что имеют значение, прежде всего, творческие силы. Но в последнее время театр понес ощутимые потери...*

- Это очень грустно... Но театр тем и замечателен, что приходят новые времена и на сцену поднимаются новые люди, которых мы сразу, может быть, не встречаем аплодисментами, однако через какое-то время принимаем их. Да, конечно, больно, что мы потеряли замечательного нашего актера и друга Джемала Сихарулидзе, но театр не может не продолжать жить, работать, творить. И мы будем жить, работать, творить во имя прошлого и во имя будущего. Мы не имеем права останавливаться... Если какому-то безумцу вздумается закрыть наш театр, что, повторяю, невозможно, то грузовик заберет нас прямо с репетиции. А до этого мы будем репетировать!

Инна БЕЗИРГАНОВА

«Чипolino»

ГОСПОДА ФРУКТЫ, ИЛИ НЕБОЛЬШОЙ ЭКСКУРС В СОЦИОЛОГИЮ

Первый может испечь торт, второй преподает историю искусств в сельской школе, третий защищал дипломную работу на тему «Устройство электромотоцикла», четвертый – руставелевец, до семи лет не говоривший по-грузински, пятый работает менеджером по продажам в крупной строительной компании, а шестой на досуге делает кукол из папье-маше. Что их объединяет? Профессия – грибоедовец.

В социологии есть понятие «среднего класса». В развитых странах он составляет наиболее многочис-

ленную группу населения, а его функциями традиционно считаются стабилизация общества и воспроизводство квалифицированной рабочей силы. Если учитывать, что театр – это жизнь, можно, с определенной долей уверенности утверждать, что грибоедовцы от 24 до 37 – та самая стабилизирующая сила. С этим утверждением согласен управляющий театра им.А.С.Грибоедова Автандил Варсимашвили: «Однозначно, ведущая сила – люди от 20 до 40. Сейчас в театре происходит смена поколений. Старые, опытные актеры уступили дорогу молодым. Это всегда так. Когда я пришел в Грибоедовский десять лет назад, здесь практически не было артистов среднего возраста. Актеров, о которых пойдет речь в вашем материале, в театр пригласил я, и несколько не жалею. Сейчас их смело можно назвать ведущими. И это замечательно».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕТСТВА

Синьор Помидор, Баба-Яга, Карабас-Барабас – персонажи вроде бы отрицательные. Но когда на сцене их воплощает Михаил Арджеванидзе, дети сопереживают ему не меньше, чем главным героям сказок. А дети – самые чуткие и непредвзятые зрители, завоевать их доверие непросто.

«Я думаю, что Мишу любят все. Он - ходячая доброта. Когда он на сцене, от него исходит море доброй и теплой энергетикой, передающейся зрителям в зале», - считает Автандил Варсимашвили.

«У вас много поклонников?» - спрашиваю у Миши. «Не скажу, что много, но есть люди, которые любят посмотреть на меня на сцене. Я себя не считаю особенно популярным актером, потому что сегодня популярность дается благодаря кино или сериалам. На улице, конечно, комплименты делают, но ведь это обязательная часть профессии, своего рода лакусовая бумажка».

Будущий Синьор Помидор решил поступать в театральную профессию, потому что ... не мог определиться с выбором профессии. Мечтал быть художником, врачом, а потом понял, что может быть и художником, и врачом, и кем угодно, будучи актером. «Я могу все это сыграть. Актерство - продолжение детства, ты всю жизнь играешь, получая от этого удовольствие. Актер должен быть немного ребенком», - утверждает Миша.

Арджеванидзе - характерный актер, исходя из внешности, фактуры, и образу близок. Считает, что в возрасте, лет за 50, настанет время играть более серьезные роли. И драматические в том числе. «Хотелось бы сыграть Тартюфа, дядю Ваню, короля Лира. Сейчас бы Шута сыграл. Набирается жизненный опыт, а когда в душе накапливается много переживаний, можно передать их зрителю». А пока он - комический добряк, общительный и нежный.

Каждый выход на сцену требует от него внутренней подготовки. Неважно, сказка это или иронический детектив. «У спектакля может быть разная кардиограмма. Иногда надо начать с нуля и идти вверх. Но есть роли, в которых выходишь на сцену с определенным зарядом. А чтобы роль удалась, на первую репетицию я должен надеть что-нибудь белое».

Наверняка, при распределении ролей в «Мастере и Маргарите» режиссер ни секунды не раздумывал, кому отдать роль Кота Бегемота. Конечно, Михаилу Арджеванидзе! Он же, кстати, играл и Марка Крысобоя. «Этот большой четырехчасовой спектакль для меня пролетает как секунда. А когда спектакль пролетает незаметно, это и есть то самое настоящее».

До эры Грибоедовского Михаил Арджеванидзе работал в ТЮЗе им.Н.Думбадзе, театре им.М.Туманишвили. Первой ролью на сцене Грибоедовского был Подсекальников в «Самоубийце» Н.Эрдмана. Сегодня он, как и другие грибоедовцы, играет в «Свободном театре». Спектакли с его участием - «Дневник Анны Франк», «Пять дней из жизни безработного актера» и «Господи, храни нас и людей!» любимы зрителем.

Из последних ролей на родной сцене - мистер Кристофер Рэн в «Английском детективе» и Пес в «Хранителях нашего очага». Первый - точно сделанный характер, «капризный, противный и несамостоятельный». Второй - трехлетний пес, верный друг и

мужественный защитник хозяев. Для Миши каждая роль - предвкушение удовольствия, которое получишь только на сцене. «Весь день проигрываю какие-то отрывки, пытаюсь найти ключ. Я не представляю себя вне театра, кто я, что я, сам себя не определю», - говорит Миша.

До сих пор с трепетом вспоминает премьеру дипломного спектакля Д.Сакварелидзе «Брак по конкурсу» в ТЮЗе. «Я начинал спектакль. Еще учился тогда. В зале сидел Михаил Иванович Туманишвили. От одной мысли, что этот человек сейчас на меня смотрит, у меня начинали дрожать колени и терялся дар речи. Ничего не мог с собой поделать. Поверьте, это очень ответственно».

Вне сцены - любимая супруга, актриса ТЮЗа им.Н.Думбадзе Рамона Микеладзе и трехлетний Саба-Георгий. Есть хобби. «Люблю готовить. Могу приготовить пиццу, фирменный салат из языка, испечь торт. Особенно если придумаю новый рецепт. Думаю, счастье - когда с радостью идешь на работу, и с радостью возвращаешься домой».

«Мастер и Маргарита»

БУДУЩИЙ НАРОДНЫЙ АРТИСТ

«Спектакль начинается в шесть. Спектакль начинается в восемь. Успеешь?» - «Успею», - отвечает мне многообещающий актер двух театров Ваню Курасбедиани. Так о нем пишут театральные критики. Сам же Ваню нетерпеливо потирает руки, в ожидании, когда ему начнут задавать вопросы к сороковому в жизни интервью. В шесть он играет сержанта Троттера в Грибоедовском, в восемь - мальчика по имени Лексо в «Свободном». И как гласит театральная мудрость: «Если актер жалуется, что у него много ролей, не верьте ему!».

К своим 24 годам Ваню успел поработать моделью агентства «Имидж-центр» и окончить спортивную школу. И даже мечтал играть в НБА. На приемных экзаменах в театральном Гига Лордкипанидзе посоветовал ему повзрослеть. Но Ваню не был бы собой,

Вано Курасбедиани

ЧЕТВЕРТАЯ СТЕНА

«В этом мире нежно-ином
// Мы - одинокие души.»

Дмитрий Спорышев – интересный поэт. Правда, не пишет уже год. Говорит, что «отпала потребность делиться тем, что я в себе нахожу». Стихи прежде были единственным способом самовыражения. Гонялся за формой, увлекался символикой поэзии и театра. Какие-то импульсы писать появляются и сейчас, какие-то метафоры возникают, «но я не хочу их развивать».

Мы сидим в Малом зале театра после репетиции. На сцене – никого. В пространстве между сценой и зрительным залом ощущается какая-то невидимая сила. Прочная нить, связывающая два разных мира. «Станиславский говорил о понятии «четвер-

если бы не поступил. «В театральном я попал в группу к Шота Кобидзе. Но был очень плохим студентом, прогульщиком. Поэтому могу сказать, что профессии я учусь непосредственно во время спектакля. Чего не могу сказать о репетициях и премьере, для меня они - сущий ад».

Всем грибоедовцам, играющим на грузинском языке, задают один и тот же вопрос – «Не сложно ли?». «Думаю, играть на двух языках несложно, потому что все мы живем в грузинской реальности, чувствуем по-грузински», - считает Вано.

«Если актер талантлив, заразителен, обаятелен на сцене, он сможет работать на двух языках и никто не станет обращать на это внимания, при условии, что он играет талантливо. Конечно, нужно соблюдать чистоту речи. Но я уверен, что в театре главное – игра», - считает Варсимашвили.

Любимые роли – Иван Бездомный в «Мастере и Маргарите» и Симон Чачава в «Кавказском меловом круге». Согласитесь, нужно быть настоящим везунчиком, что бы получить роль в таких спектаклях. «С Бездомным мы не только тезки по имени, он мне очень близок, и я рад что это моя первая большая серьезная роль», - говорит Вано.

Роль мечты - Холден Колфилд из «Над пропастью во ржи». «Я воспринимаю каждую роль как подарок. Мне пока не хватает академичности, в то же время пытаюсь бороться со штампами. Не знаю, насколько удачно это получается. У меня нет сценической школы как таковой. Но, в тот день, когда ты скажешь себе, что гениален, можно смело уходить из профессии».

Любит американских драматургов и родной Тбилиси, играет на гитаре и слушает джаз. Говорят, что он - само очарование и шарм. И станет хорошим актером. Если изрядно потрудится.

«Чиполлино». Вишенка - Дмитрий Спорышев

той стены», - говорит Дима. – По мне, она существует, и не существует. За ней зеркальный, призрачный мир, в котором актеры играют роли. Но, если стоя на сцене, не получаешь обратной энергии, четвертая стена исчезает. И смысл лицедейства пропадает. С другой стороны, актерство – это хорошее, профессиональное дураковаление, за которое еще платят деньги. Но, лучше скоморошничать на сцене, чем в жизни. Актеры с этой точки зрения честнее, они выбирают какой-то пятачок, пару метров и играют».

Началось его знакомство с театром со сказки. «Это был «Принц-горбун» по Ф.Кони. Вдохновленный увиденным, написал пьесу-сказку о маленьком мальчике с ледяным сердцем, который играет на скрипке, и музыка его растапливает. С ней я пошел в Театр юного зрителя им.Н.Думбадзе, представился драматургом и с детской самоуверенностью попросил ее поставить. Разумеется, пьесу никто не поставил, а вот в студию меня приняли. Через какое-то время Автандил Варсимашвили набирал группу в театральном, и я поступил к нему. Так и оказался в Грибоедовском».

С любовью вспоминает свою первую роль - Петьку в новелле Шукшина «Микроскоп». «Мои первые шаги на сцене, рядом замечательные партнеры - Ирина Мегвинетухуцеси и Джемал Сихарулидзе».

Главная роль сегодня – искренний, наивный, отзывчивый Емеля в сказке «Емелино счастье». «Это то доброе, что я могу сделать на сцене, и я рад», - говорит Дима.

«Но количество сыгранных ролей, в принципе, не показатель. Могу сказать только, что в свои 27 я еще не состоялся».

«Если меня сравнить с инструментами,
То я, пожалуй, гобой.

А точнее, становлюсь им моментами,
Когда бываю самим собой.»

О ВЕЩИХ СНАХ АЗАЗЕЛЛО

Сын известной актрисы и директора театра едва ли стал бы археологом, как мечталось в детстве. Он пошел на актерский, потому что был уверен - только в этой профессии добьется успеха.

Сейчас за плечами удачные роли: Треплев, Томас Скрудж, Норфолк, Войцек, в перспективе – Гамлет и Сальери, потому что «чувствует душевное сходство». И Азazelло, безусловно Азazelло, нетипичный Азazelло наших дней. Тонкий, чуткий, пластичный, эгоистичный, вальяжный денди и похититель дамских сердец. Азazelло в исполнении Арчила Бараташвили в Грибоедовской постановке «Мастера и Маргариты» покорила всех своим чертовским обаянием. Несомненно, это его любимая роль. И несомненно, неспроста ему давно уже снятся вещие сны. Мистика? Едва ли. Кому же еще они должны сниться, как не придворному воляндовой свиты? Впрочем, про свиту - это не серьезно. А вот к снам Арчил относится скептически. «Не люблю видеть сны. Тяжелые. Сбываются».

В Грибоедовском Бараташвили играет уже несколько лет. Из последнего – Джайлс Релстон в «Английском детективе» и Петух в «Хранителях нашего очага».

А до этого были 12 лет в главном театре страны. Сладкие годы, хорошие роли. «Я ушел из театра Руставели, потому что вел себя неправильно. Сейчас понимаю свои ошибки, просчеты и стараюсь их не пов-

«Хранители нашего очага». Петух - Арчил Бараташвили

торять».

Главным в своей профессии считает владение ремеслом. «Непрофессиональный актер может быть талантливым, но он не станет мастером без владения ремеслом».

Иногда слишком входит в роль. «Однажды я играл Шута, который в конце пьесы становится Королем. В одной из сцен я должен был задушить настоящего Короля. Стою, душу. Вдруг, вижу сумасшедшее лицо режиссера, который машет руками из-за кулис. Я не сразу сообразил, в чем дело. Оказывается, я чуть было вправду не задушил своего партнера. С тех пор максимально себя контролирую во время спектакля», - признался Арчил.

Судьба подарила ему фантастическое детство, мятежное студенчество, в котором однокурсник Нико Гомелаури – «лидер поколения», крепкую семью, двоих детей. Сам же Арчил называет себя ироническим эгоистом. Роль такая.

ХОЧУ СТАТЬ ПИЛОТОМ

Человек, в 12 лет сыгравший Маленького Принца и получивший за него Гран-при на международном фестивале мог поступить только в театральный. Что он и сделал в 1998 году, попав на бесплатное отделение, что по тем временам приравнивалось к подвигу.

«Дима Мерабишвили - очень артистичный и манерный на сцене. Он может сыграть острейшую буффонаду и пройти по лезвию бритвы», - считает Автандил Варсимашвили.

Поскитавшись по маленьким театрам и студиям, Мерабишвили очутился в Грибоедовском. Сначала были сказки: Заморский принц и Сержант Огурец. А потом...

«Когда я впервые прочитал «Мастера и Маргариту», мечтал сыграть только Коровьева. Поэтому, когда я увидел распределение, обрадовался. Как студенты,

так и профессиональные актеры хотят играть хрестоматийные роли Гамлета и Ромео. Конечно, я тоже хотел. Но характерные роли играть интереснее».

Поэтому его Коровьев – необыкновенный. Яркий, острохарактерный, гротескный, весь изломанный, как зигзаг. Непереигранный, а прошедший по лезвию. Так утверждают критики. Главный критик для Димы – обычный зритель.

Большим событием в жизни актера стало участие в фестивале «Балтийский дом», прошедшем в городе на Неве в апреле 2006 года. Он собрал молодых ак-

«Мастер и Маргарита». Коровьев - Дмитрий Мерабишвили

теров из стран СНГ и российский режиссер Егор Чернышов поставил «На дне» Горького, в котором Дима играл Васюку Пепла. «Устроители фестиваля увидели фотографии на сайте театра и пригласили меня и работавшего тогда в нашем театре актера Дениса Дашкова. Два месяца мы провели в Петербурге, жили в общежитии с ребятами из Украины, Таджикистана, Узбекистана. В день премьеры я больше всего боялся, что буду играть с акцентом. Но после спектакля мне сказали, что вся труппа разговаривала с грузинским акцентом, а я играл на чистом русском языке. Я многому научился за те два месяца и познакомился со многими интересными людьми».

На роль Дима никак не настраивается. Просто смотрит, какие спектакли у него, к примеру, в декабре. «Остальное происходит подсознательно. Я скорее, играю интуитивно. Поэтому, сказать, что я специально готовлюсь, было бы нечестно». Играет в нескольких спектаклях «Свободного театра», в том числе, в культовом «Поколении джинсов».

Он виртуозно совмещает тонкую острохарактерность и серьезный бизнес. Степень самореализации наивысшая. Пожалуй, потому что Дима Мерабишвили, лицедей по натуре, причудливо сочетающий в себе комедианта с коммерсантом. Чего в нем больше, сказать трудно.

Совмещать творческую и нетворческую работу несложно. Сцена – один мир, офис – другой. Иногда хочется бежать туда, потом обратно. Спонтанно. Но если этого нет, жить неинтерсно.

А летом, в отпуск, он отправляется в путешествие.

Германия, Франция, Италия... Города перечислять не будем, их много.

Наибольший успех в жизни – много хороших друзей и дружная семья. «Не моя лично, а та, которую создали мои родители, наши семейные традиции».

Что впереди – большие стройки или большие роли, покажет время. А пилотом Дима хочет стать, потому что на свете нет ничего невозможного.

«А ПО НОЧАМ МНЕ СНИТСЯ МОРЕ...»

Спектакль «Чиполлино» собрал полный зал. Взрослые и дети с нетерпением ждали встречи с веселыми Овощами и Фруктами – Синьором Помидором (М.Арджеванидзе), Принцем Вишенкой (Д.Спорышев), Сержантом Огурцом (Д.Мерабишвили), Сержантом Лимончиком (В.Курасбедиани). А по окончании спектакля у главного героя уже появились страстные поклонницы, на вид, первоклашки. Все это время в комнате осветителя находился человек, которого в театре считают «скорее режиссером, чем актером».

Накануне играли «Английский детектив» - его первый самостоятельный, большой, классический спектакль, который доказывает, что грибоедовский дух жив.

«Талантливейший парень. Думаю, он еще заявит о себе, как о серьезном художнике. Я всячески буду ему помогать. И желать ему сделать что-то очень большое и хорошее». Так Автандил Варсимашвили отозвался об уже скорее, режиссере, чем актере. Талантливейший парень – Вахтанг Николава.

В 2000 году руководство Грибоедовского обра-

«Ханума». Котэ - Вахтанг Николава

«Сны о Грузии»

тилось к тогдашнему ректору Университета театра и кино им.Ш.Руставели Гиге Лордкипанидзе с просьбой о создании целевой русской группы. «Мы объявили конкурс, пришли ребята, экзамен принимали замечательный специалист Элизбар Кухалеишвили и я. Студентам преподавал Гоги Маргвелашвили, думаю, они тогда прошли хорошую школу. Я честно говоря, не очень хороший педагог, у меня просто нет времени, к сожалению. После окончания в театре остались не все выпускники, но это нормально», - рассказывает Автандил Эдуардович.

«Я думаю, в тот период, когда я попал в студию, созданную Гией Кития при ТЮЗе им.Н.Думбадзе, которой руководили С.Лютров и В.Куль, для меня это была скорее забава, нежели профессия. Затем, когда открылась русская группа в театральном, поступил. Помню, был довольно большой конкурс. Со мной учились Дима Спорышев, Аннушка Арутюнян, ставшая моей супругой и помощницей. Я снова попал в театр, теперь уже серьезно. Для меня это был очень интересный мир, со своими правилами, лабиринтами, маленькими конфликтами, «большая жизнь в маленькой коробочке». Так прошло несколько лет. Были роли, маленькие и большие, но всегда интересные. Сейчас я больше реализуюсь в режиссуре. Понимаю, что должен делать, что с опытом многое придет. Режиссура - мастерство создавать свой мир».

По сути он актер. Но в режиссуре, «чувствует себя свободней». «Несмотря на то, что я пять лет проучился и у меня есть диплом режиссера, учиться я продолжаю, и думаю, что не перестану никогда. Я раньше не представлял, как можно быть счастливым от профессии».

Актеры смотрят на него, как на режиссера, можно сказать, это определенный статус. А он катастрофи-

чески боится начала репетиции, до слов «Все, начали». По три волоска седеют. Зато во время репетиции мир перестает существовать. Настолько, что однажды Вахо даже не заметил землетрясения, пришедшегося на время репетиции «Английского детектива».

Его первая серьезная работа – оживление на сцене героев Агаты Кристи. Согласитесь, не каждый начинающий режиссер свяжется с английской детективщицей. «Я провел весь репетиционный процесс. Для меня это стало большим событием. Актеры смотрели на меня может и скептически, но помогали и понимали. Я старался. Автандил Эдуардович мне очень помог. Думаю, мне самому пока нужен контроль со стороны».

Считает, что период в актерстве ему очень помог. «Теперь я знаю, что чувствует мой актер». Из немногo сыгранного, любимое – Котэ в лиричной «Хануме, или Поэме о старом Тбилиси». Профессиональная примета всего одна – «репетиция не сложится, если я прихожу неподготовленным».

В моменты, когда чувствует себя «счастливым от профессии» или волнуется из-за нее же, вспоминается Черное море, родной Сухуми, старый дом. Надежда на то, что вернется. А пока он влюблен в Тбилиси и собирается ставить Брехта. «Мне интересно попробовать его эстетику. На мой взгляд, сегодня чуть агрессивный, циничный, ироничный, сатирический театр наиболее актуален».

Какой получится «Карьера Артуро Ui, которой могло и не быть» зрители узнают уже в этом сезоне. Они встретятся со знакомыми актерами, чтобы оценить, насладиться и подумать о том, как социология влияет на погоду на театральных подмостках.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

«Лекарь поневоле»

ТЕАТР ВО СНЕ И НАЯВУ

В ноябре марджановцы отметили 80-летний юбилей. Торжества по этому случаю начались сразу после успешных американских гастролов театра, показавшего в рамках Шекспировского театрального фестиваля в Санта-Барбаре «Lit Moop» спектакль «Сон в летнюю ночь» в постановке Левана Цуладзе.

НА «ТЕАТРАЛЬНОМ ПАРНАСЕ»

В эти дни тбилисцы увидели сразу два «Сна»: один – глазами грузинского режиссера, другой – литовского.

Художественный руководитель марджановцев Леван Цуладзе, спектакли которого пронизаны удивительным жизнелюбием, зрелищны, пригласил зрите-

лей в сказочное царство любви, красоты, волшебных страстей, бьющей через край фантазии, потерянный навсегда рай детства. В спектакле стираются границы между мечтой и реальностью. «Современный мир становится все менее и менее романтическим, и мы постепенно расстаемся с нашими грезами и иллюзиями. Но мы должны вновь поверить в чудеса, как это было в детстве», - считает Л. Цуладзе. По замыслу режиссера, страна эльфов существует вовсе не параллельно миру людей, как в пьесе, - она сливается, переплетается с ним. Мифологические персонажи решили «спуститься с небес» и немного поразвлечься, расстрясти этот провинциальный городишко, погрязший в скучной повседневности и тщеславии. Думается, этот спектакль – посыл режиссера к соотечественникам, дабы пробудить их души, воскресить в них божественный след...

Иное, но в чем-то близкое грузинской трактовке, прочтение предложил продвинутый литовский режиссер Оскар Коршуновас, разрушивший бытующие представления о том, как нужно сегодня ставить Шекспира. Он отказался от традиционных костюмов и сценографии, одел актеров в какие-то забавные комбинезоны и вручил каждому по доске. Из этих досок и создается сценическое пространство спектакля

«Сон в летнюю ночь» - радостного, пронизанного духом язычества, возвращающего нас к истокам театрального искусства.

В спектакле задействована талантливая молодежь. Их виртуозная пластика, фонтанирующий темперамент, помноженные на неиссякаемую режиссерскую выдумку, не позволяют зрителям ни на секунду расслабиться. Спектакль рассчитан на активность аудитории, на ее вовлеченность в творческий процесс – как это бывает в детстве, когда воображение ребенка преобразует мир, рождает все новые и новые образы и ситуации из ничего. В данном случае «ничего» - это обычные доски, которые превращаются то в лодки, то в двери, то в деревья, то в одеяла, то еще во что-то. И грузинский зритель с удовольствием включился в веселую игру на темы Шекспира вместе с актерами, существующими в практически пустом сценическом

звал восторг зрительного зала, увидевшего главное: Някрошюса интересует, прежде всего, природа человеческих переживаний, желаний и взаимоотношений

«Чайка»

«Чайка»

«Лекарь поневоле»

пространстве очень легко, озорно и заразительно...

После долгой паузы тбилисцы вновь встретились с Эймунтасом Някрошюсом - точнее, с его творчеством: сам режиссер не смог приехать. Однако перед спектаклем театральная общественность общалась с участниками спектакля, рассказавшими о творческой «кухне» мастера. А сам «продукт» вы-

между людьми, высокий градус страстей. Режиссер идет к сути явлений через настоящие, подлинные чувства.

Оба литовских коллектива стали участниками международного форума «Театральный Парнас», организованного театром имени Марджанишвили в связи с юбилеем. Наряду с коллективами из Литвы, в Тбилиси приехали артисты из Великобритании и Франции.

Француз Пьер Менье привез в Тбилиси... камни. Без шуток. И предложил зрителям ощутить их тяжесть, почувствовать фактуру, полюбить их, увидеть в них Нечто. А потом сложил эти глыбы на столе так, что получилась внушительная куча – грандиозная метафора человеческого сознания, человеческой жизни. Со всеми вытекающими. С ними – камнями то есть - Пьер Менье ведет в своем спектакле долгий диалог, философствует

о сущности камня и природе человека, проводит, казалось бы, очевидные параллели, увиденные, тем не менее, только им. Он заставляет неуклюжие камни преодолеть притяжение земли – ему это удается благодаря оригинальным техническим конструкциям. Пружины позволяют тяжелым глыбам обрести невесомость, стать легкими как пушинки – летать, взмывая то вверх, то вниз, и даже петь. Подвешенные на пружинках семь камней превращаются в звукоряд – семь нот. Менье врубает магнитофон, ловким движением приводит в движение камни, и создается полная иллюзия игры. Активный мечтатель, Пьер Менье старается повести зрителя путем, ведущим в скрытые глубины неодушевленных предметов.

А англичане показали спектакль по пьесе Мари Ндие «Хильда» (режиссер – Джаилс Форман), примечательный тем, что в числе актеров, занятых в нем, была наша соотечественница Теа Кицмаришвили.

В рамках форума прошли также семинары и тренинги для менеджеров, театроведов и актеров. На юбилей были приглашены театральные деятели из Великобритании, Румынии, Турции и Израиля. Гости имели возможность ближе познакомиться с грузинской театральной культурой, увидеть лучшие спектакли театра имени Марджанишвили.

В афише любого театра есть спектакль, который можно назвать его визитной карточкой. Таким для марджановцев стал героико-романтический «Уриэль Акоста» Гуцкова, восстановленный недавно ушедшей от нас Софико Чиаурели. Некогда в спектакле, поставленном Котэ Марджанишвили, блистали Верико Анджапаридзе – Юдифь и Ушанги Чхеидзе – Уриэль Акоста. Потом в нем играли Софико Чиаурели и Котэ Махарадзе. В нынешнем же выступает четвертое поколение актеров. Впечатляют строгая стилистика художника Петрэ Оцхели, его уникальная «геометрическая» сценография и костюмы, исполненные в черно-бело-серой цветовой гамме, отточенная, графическая пластика исполнителей и особая интонация изреченного ими высокого слова. Все это воссоздает нетленный образ спектакля Котэ Марджанишвили. И он неотделим от фантастически прекрасного занавеса с яркими шелковыми аппликациями работы художника Константина Сомова, над воплощением которого некогда трудились множество искусниц...

На волне пробуждения национального самосознания большой интерес публики вызывает еще один героический персонаж – на этот раз грузинский. Это легендарный полководец, князь Какуца Чолокашвили, боровшийся за независимость Грузии в начале 20-х годов прошлого столетия и ставший героем одноименного спектакля-эпопеи Левана Цуладзе. Кстати, Уриэля Акосту и Какуцу Чолокашвили играет один и тот же молодой актер – Ника Тавадзе, обладающий сценическим обаянием, столь необходимым для воплощения образа идеального героя. С грузинским акцентом прозвучал на марджановской сцене даже

«Пигмалион» - коллизии пьесы Шоу перенесены на грузинскую почву. Начинается первая картина – и мы видим часть здания Тбилисского оперного театра...

Многим понравился спектакль «Чайка», поставленный Михаилом Козаковым – тестем художественного руководителя театра Левана Цуладзе, женатого на замечательной актрисе театра Марджанишвили Манане Козаковой. События пьесы перенесены в нашу современность.

Мобильные телефоны и диктофоны, звучащие со сцены стихи Ахматовой и Пастернака и горячие радионовости сегодняшнего дня нисколько не исказили восприятия «Чайки». Скорее, лишь подчеркнули современность ее тем и образов. А участие в проекте грузинских актеров придало коллизиям и героям пьесы, зачитанной режиссерами до дыр, неожиданную

свежесть и новизну.

О чем спектакль Михаила Козакова? О страстном стремлении художника к самореализации, обретению собственного лица в творчестве, о сути и смысле профессии. О любви, дающей невероятный взлет и нередко затем - резкое, болезненное падение. О тщете жизни и постоянно ощущаемом привкусе смерти. О молодых надеждах, иллюзиях и горьких разочарованиях. Кто не проходил через это? И разве имеет значение, в какое именно время живут герои - в эпоху компьютеров и мобильных телефонов или на рубеже XIX - XX веков?

Недавно открылась малая сцена марджановцев – театр «На чердаке», где режиссеры экспериментируют. Первой постановкой на этом сценическом пространстве стал спектакль «Перхули», в основе которого – скандально известная пьеса Артура Шницлера «Любленный хоровод». Зрители становятся свидетелями закольцованной цепочки постельных сцен. Десять сценок, десять персонажей, каждый из них перебирается из одного любовного ложа в другое и тем самым связывает предыдущий эпизод со следующим. Эта история, поставленная Леваном Цуладзе с присущей ему легкостью и блеском и виртуозно

разыгранная актерами, совсем не так проста, как кажется на первый взгляд. Понятие закольцованной цепочки, «хоровода» насыщено философским содержанием. Это глобальный мир связей и отношений, сложная структура любви и ненависти, лицемерия и искренности, игры и «полной гибели всерьез». Ведь, в сущности, все люди на свете связаны между собой – непосредственно и опосредованно. И эта цепочка тоже закольцована!

«ВЕЛИКИЕ НЕРАЗРЕШИМОСТИ» ЧЕХОВА

Вскоре состоится премьера чеховской «Дамы с собачкой». Спектакль ставит Леван Цуладзе, объединивший на сцене актеров и кукол.

- Я надеюсь, что это будет красивый спектакль, - говорит он. - Только не в бонбоньерочном, а в человеческом, чеховском понимании. Чехов – удивительно красивый, порядочный человек, хотя и очень ироничный, а иногда и просто беспощадный. Но все это с любовью к человеку и его ошибкам, разным проявлениям несовершенств, с философской улыбкой, говорящей о том, что все проходит. В какие-то мгновения наши переживания кажутся нам драматичными и даже трагичными, но все проходит. Писатель бывает злым, никогда не сюсюкает, пишет правду, изображает не сладкие, а порой даже страшные стороны бытия. При этом он пишет очень легко. Потому что все это – жизнь, и все, что происходит, все равно прекрасно. Потому что ошибки и слабости человека порождают настоящий интерес к жизни. Если бы человек был совершенен, жизнь была бы невыносима скучна. Нашу жизнь создают наши ошибки и внутренние противоречия. Если бы не противоречия, мир бы вообще не развивался.

Несовершенны и герои «Дамы с собачкой» - запутавшиеся в противоречиях. И финал мне очень нравится. Герои приходят в какой-то банальный гостиничный номер, занимаются любовью, а потом пытаются разобраться в своей ситуации, найти выход из безвыходного, по их мнению, положения. «Как? Как? - спрашивал он, хватая себя за голову. - Как?» Ну, какая-то тут проблема? Разведись с женой и женись на любимой женщине. Но это великие неразрешимые переживания!

- Великие неразрешимости?

- Именно... Есть еще одна суровая, по сути, фраза в финале: «И казалось, что еще немного - и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается». Вот эти слова явились для меня ключом к решению всего спектакля. Рассказ ведь написан на рубеже веков. Через короткое время в России начался кошмар... И вот мы решили пофантазировать, что было бы с Гуровым через пятнадцать лет после описанных в произведении событий. Его проблема, как развестись с женой и сойтись с любимой женщиной, через пятнадцать лет становится просто ничтожной. Ведь в революционном хаосе рушится вся страна, прежние ценности. Интеллигент в лице таких, как Гуров, несчастный, несостоявшийся человек, когда-то мечтавший об опере, неудачно женившийся, влюбившийся в замужнюю женщину, оказался лицом к лицу с катаклизмами. Был ли наш герой к ним готов? Мы решили, что он, наверное, погиб бы. Спектакль начи-

нается с ретроспективы – Гуров находится во время гражданской войны в Москве и вспоминает Ялту. Идут военные действия. Герой видит фарфоровую собачку, рассказывает ей о другой собачке – шпице Анны Сергеевны и решает ехать в Ялту. В это время взрывается снаряд, и человек погибает. Все это происходит в одну секунду, когда герой вспоминает Ялту. А Ялта для нас – это юг, что-то близкое Грузии – теплая, солнечная, с морем. Но она погибает, больше ее не будет...

Во всяком случае, в жизни этого человека. И первый акт – очень лиричный. Мы еще придумали и ввели грузинских персонажей. Действие происходит в лечебнице субкультуральной терапии – мы это сочинили, конечно. Здесь отдыхают и дворяне, офицеры из Грузии. Они беззаботно кутят... и помогают Гурову и Анне Сергеевне встретиться. У Чехова есть эпизод, когда Гуров стоит у балкона Анны Сергеевны и ждет: может, она выглянет? Они еще не знакомы, только перекинулись несколькими словами, но интерес между ними уже возник. Это предчувствие любви, любовный трепет, даже не имеющий оснований, но он захватывает человека. Его фантазия рисует самые невероятные сюжеты. Это может в дальнейшем получить развитие, а может и нет... И тут появляются грузины, которые сбегают из пансионата, потому что устали от лечебных процедур и диет. Они накрывают большой стол, поют и приглашают весь пансионат. У исполняемой ими песни – ее написал Вато Кахидзе – весьма двусмысленные слова: «До свидания, до свидания, не забудь мои страдания!» И эта песня помогает героям случайно встретиться... Но второй акт должен быть очень тяжелым. Сезон кончился, наступила осень, дуют ветры. Какие-то рабочие заколачивают пансионат досками. Сказка завершилась... Гуров, счастливый, возвращается в Москву. Это был просто роман, ни к чему не обязывающий. Он обожает мороз, суету большого города. Но... случается ужасное: Гуров понимает, что тоскует по Анне Сергеевне. И эта маленькая бактерия вдруг захватывает его целиком. Настолько, что он убегает из Москвы, приезжает в какой-то город, встречается с той женщиной и... тонет в море чувств. Чехов не решает проблему, он ее просто показывает. Эта история популярна потому, что каждый переживает ее как личный опыт. Если мы не испытали нечто подобное, то наверняка фантазировали на эту тему... Мечта любого человека – закрутить такой курортный роман. Но вторая часть история – самая важная. Потому что этот роман – не шутка. Все на самом деле очень сложно, хоть в то же время очень просто. Это великое противоречие. В этом и загадка Чехова.

- Существует мнение, что Чехов чужд грузинской театральной культуре, хотя на марджановской сцене с успехом идет «Чайка»...

- Он, мне кажется, совершенно не чужд грузинской театральной культуре. Есть, конечно, проблемы с постановкой пьес Чехова, потому что у них большая биография. Их всегда было трудно ставить. Потому что пять его знаменитых пьес поставлены столько раз и так хорошо, что очень сложно уйти от влияния этих постановок. В этом и состоит проблема для грузинских театров. Но рассказы – другое. В них писатель отличается от Чехова-драматурга. Не своей философией, конечно. В рассказах есть нечто близкое мироощущению грузина. Грусть, которой пронизана его

Занавес по эскизу К. Сомова

«Пигмалион»

проза, - самое понятное чувство для грузина.

- В вашем спектакле наряду с актерами задействованы куклы. Почему? И не мешают ли куклы живым артистам?

- Если ставить Чехова с массовками, выводить на сцену много актеров, это будет грубо и абсолютно не по-чеховски. А куклы дают возможность решить неразрешимые творческие проблемы. Ведь куклы – вещь мистическая. На твоих глазах всегда происходит чудо. Деревяшка или кусок материала вдруг становятся одушевленными, и ты переживаешь момент чуда, потому что видишь, как оживает мертвая материя. Это всегда волнует... Вот мы и попробовали соединить людей с куклами. Это не мешает актерам,

скорее, наоборот. Потому что создает что-то новое, заставляет их работать... подробнее, что ли. Куклы – неторопливые актеры. Для них маленький жест значит очень много. Это уже явление! И актер попадает в эту зависимость от их движений, для него любой жест куклы, даже самый маленький, становится очень важным. Мне кажется, это очень интересно.

В планах Левана Цуладзе – постановка еще одного произведения русской классики: «Бесов» Достоевского. Пожелаем ему и его правой руке – талантливому человеку, управляющей театром Эке Мазмишвили, удачи!

НАСЛЕДНИКИ МАРДЖАНИШВИЛИ

Зажигательный канкан завершил празднование 80-летнего юбилея театра имени Котэ Марджанишвили. Его лихо сплясали очаровательные девушки на вечере, посвященном не только этой замечательной дате, но и 15-летию юбилею Тбилисского симфонического оркестра имени Джансуга Кахидзе. Прославленный коллектив стал первым оркестром за всю историю театра, выступившим на его сцене. А вместе с музыкантами во главе с обаятельным дирижером Вахтангом Кахидзе блистали актеры Онисе Ониани, Нато Эбаноидзе, Нато Мурванидзе, Эка Нижарадзе и шоу-балет «Вернисаж». Позабавила всех сцена, разыгранная Онисе Ониани и Вахтангом Кахидзе: нарядившийся в костюм XVIII века артист попытался помешать музыканту дирижировать оркестром; в конце концов Вато Кахидзе уступает нахальному пришельцу из прошлого, и тот уверенно берет «бразды правления» в свои руки... Подготовили этот неформальный концерт худрук Леван Цуладзе, дирижер Вахтанг Кахидзе и хореограф Гия Маргания.

Обошлось без официоза и длинных речей, приличествующих случаю. А об истории театра и его создателе Котэ Марджанишвили напомнили развешанные в фойе фотографии из спектаклей, поставленных в разное время. Театр родился в 1928 году. Поначалу он должен был обслуживать Кутаиси и Батуми. Его официальное название – Второй государственный театр Грузии. Он базировался в Кутаиси, а в 1930 был переведен в Тбилиси. Снова, далеко не в первый раз, Котэ Марджанишвили начал работу по созданию нового Театра. В его труппе были такие выдающиеся актеры, как У.Чхеидзе, Т.Чавчавадзе, В.Анджапаридзе,

Ш.Гамбашидзе и другие. Марджанишвили продолжил свои искания в области синтетического театра и воспитания молодых актеров. В новом театре режиссер осуществил ряд разножанровых постановок: «Гоп-ля, мы живем!» Толлера, «Уриэль Акоста» К.Гуцкова; «Беатриче Ченчи» П.Шелли; «Сказ об Арсене» по народному эпосу; «Отелло» У.Шекспира (1931) и другие – в среднем Марджанишвили ставил по три-четыре спектакля в сезон. В 1933 году Марджанишвили ушел из жизни... но осталось его детище – замечательный театр, в котором работают сегодня замечательные режиссеры, актеры, художники, хореографы!

Инна БЕЗИРГАНОВА

ИМ СНИЛАСЬ САБЛЯ

Нугзар Асатиани

Перед последним боем с итальянцами советские саблисты вели 8:7. Один удар, один шаг отделял их от победы, от золотых олимпийских медалей Токио-64. И его предстояло сделать Нугзару Асатиани.

Сальвадоре – не подарок. Опытный боец, отвергающий классическую манеру, фехтующий в стремительном темпе. Нугзар так волновался, что потом не мог восстановить в памяти подробности поединка. Друзья говорили, что выдался он красивым и упорным. Сам же помнил: не имел ни минуты, чтобы перевести дух. Но вот последняя мгновенная флеш-атака, соперник откидывает маску и уходит с помоста. Глаза его полны слез, а Нугзара подхватывают руки товарищей.

Накануне Токийской олимпиады в сборной подобрался слаженный сабельный ансамбль. Яркий лидер Яков Рильский. Хитроумный тактик Марк Ракита. Вдохновенный исполнитель танцев с саблями Умар Мавлиханов. Непробиваемый защитник Борис Мельников. Нугзар Асатиани с его горячим южным темпераментом был очень кстати. Тренер сборной, обладатель первой среди советских фехтовальщиков олимпийской медали Лев Кузнецов (бронза, Хельсинки) отмечал: «Асатиани особенно удачно фехтовал против соперников, схожих с ним по темпераменту. Если же ему противостояли бойцы типа Марка Ракиты, внешне медлительные, предпочитающие комбинационную

игру, его выручали большая сила воли и отличная техника владения оружием. Стихия Асатиани – искрометная рукопашная, когда соперник вынужден отступать под градом ударов».

Чествуя Мавлиханова, Рильского, Мельникова, Асатиани, Ракиту в их звездный час, мало кто в спортзале Токийского университета заметил, как колесо мирового фехтования сделало исторический оборот. Законодателями моды у саблистов стали эти ребята. Кончилась 36-летняя пора гегемонии венгерской школы сабельного фехтования. И первыми золотую кольчугу венгров пробили итальянцы. Они выиграли 9:7 у сборной, которую вел вперед сам Тибор Пежа, чемпион Токийской олимпиады в личном зачете. Наш квартет в тот день легко расправился с американцами – 9:4, взяв реванш за поражение в олимпийском Риме. Четыре очка внес в копилку команды Асатиани.

В финальном матче с итальянцами неожиданности посыпались, как из рога изобилия. Стартовый бой поручили чемпиону Спартакиады Мавлиханову. И Умар не подвел – выиграл у Каланцини. Асатиани красиво обыграл Чикка – 2:0. Но потом события на дорожке начали разворачиваться, как в романе Александра Дюма. Каларезе в бою с капитаном команды Рильским при счете 4:4 в непостижимое мгновение наносит решающий удар и выигрывает еще три встречи

поряд. Но невозможно в одиночку противостоять команде, исповедующей мушкетерский принцип: один за всех, все за одного. И уже итальянцы плачут от досады.

О золотом ударе Асатиани долго помнят поклонники этого рыцарского вида спорта. А ему часто вспоминался давний разговор с Яковом Рыльским. Он спросил трехкратного чемпиона мира, которому в То-

университетский спортзал, выкраивая минуты отдыха после нескончаемых потоков занимающихся. Трифон Месхи сказал как-то своему ученику Нугзару, к которому пришли первые победы: «Хорошо это или плохо, никогда не изменяй своим устремлениям, своей манере фехтования».

Он послушался и никогда не раскаивался в этом. Увидев Асатиани на матче Грузия-Венгрия, участник двух Олимпиад Мароши сказал: «Удивительно, что этот темпераментный грузин еще не стал чемпионом СССР».

Асатиани, уже опытный турнирный боец и участник Римской олимпиады, через год, в 1961 году, восполнил этот пробел, а потом четырежды выигрывал Кубок СССР. На следующий после Токийской олимпиады год наша команда, сохранив свой «золотой» состав, выиграла чемпионат мира в парижском зале имени Пьера де Кубертэна.

Асатиани всю жизнь оставался рыцарем спорта, рассматривая свои победы в генетической связи с соотечественниками, отстаивающими мечом и щитом свою свободу и славу. В какой книге мог он узнать то, что в течение десятков лет дарил ему спортивный мир. Признавался: никогда бы при других обстоятельствах не встретил бы на чемпионате мира в Буэнос-Айресе грузина, который без устали повторял: «Куда только не занесет судьба человека!» И плакал, как ребенок, не стыдясь слез. Этот пожилой человек, доселе не знакомый с фехтованием, приходил на все матчи нашей команды, занимая место в первом ряду.

В Токио одним грузинским саблистом могло быть больше. Путевку на Олимпиаду по итогам сезона себе обеспечили Рыльский, Асатиани, Мавлиханов, Ракита. Оставалась неразыгранной одна вакансия. Цена ее – победа в чемпионате СССР. Морис Сахвадзе прекрасно провел весь чемпионат и вместе с Асатиани и Борисом Мельниковым становится участником перебора за 1-3 места. В его поединке с Мельниковым счет ничейный – 4:4. Один удар отделяет Мориса от Токио. Но удача улыбается ленинградцу. Второй перебой... И снова один укол лишает Мориса, серебряного призера, права на место в сборной.

Но послушаем Асатиани: «Морис находился в наилучшей форме и считался фаворитом, но не поехал в Токио. В том чемпионате он трижды победил меня. До сих пор многие думают, что я не боролся с ним в полную силу. Это ошибочный вывод. Мы много раз встречались друг с другом, но никто не припомнит хотя бы одного сознательно сданного боя. Просто в Минске Морис был подготовлен лучше других, о чем говорят его блестящие победы над Рыльским, Ракитой, Мавлихановым...»

Гурам Костава и Нугзар Асатиани

кио было 37 лет, как стать большим фехтовальщиком. Ответ был неожиданным: «О сабле нельзя забывать даже во сне. Снится ли тебе фехтование?» А эти сновидения все чаще посещали Нугзара после трофейного фильма «Три мушкетера». Все тбилисские дети военного поколения от мало до велика распевали песенку неразлучных друзей, мастерили самодельные шпаги, больше похожие на сабли. Фехтовальный бум закружил грузинскую столицу. А потом была встреча с тренером, который даже раскладушку притащил в

Каким благородством пронизано это призвание, на которое способны только большие души!

Нугзар Асатиани был рыцарем без страха и упрека. Прозванный грузинским д'Артаньяном.

Через несколько десятилетий Морис Сахвадзе снова заставил заговорить о себе мир.

В те дни мысли Мориса часто обращались к Еревану. В Армении намечался международный турнир по шпаге, а еще через день – турнир рапиристов европейской зоны, на котором разыгрывались по две олимпийские лицензии. Моего собеседника связывают с этими соревнованиями не только служебные обязанности. На вопрос, чем стал для него этот город – отвечает просто: «Там я родился во второй раз». И называет точную дату – 30 сентября 1996-го.

Поневоле вспомнились слова Гарегина Севунца, прибывшего в Тбилиси на руставелевские юбилейные торжества. Армянский писатель, чьим «Тегераном» мы зачитывались, мне сказал: «Наши два народа живут рядом, так близко, что мы слышим, как бьется сердце соседа». События тридцатилетней давности вспомнились как нельзя кстати.

Сахвадзе привели в Ереван в прямом смысле сердечные дела. В 1994 году видный мастер клинка перенес инфаркт и был помещен в тбилисскую кардиологическую больницу, где лечащим врачом, – надо же такое совпадение – был Николай Андриадзе, чемпион мира среди юниоров-рапиристов. Мориса поставили на ноги, но он продолжал лечение, два года спустя, на Олимпиаде в Атланте, где он находился в качестве члена судейской комиссии Международной федерации фехтования, у него вновь по-настоящему заболело сердце.

Вот тогда в журнале ФИЕ была опубликована информация: Сахвадзе попал в беду. Требовалась операция, и, как в изрядно позабытом французском фильме «Если парни всего мира...», началась волнующая акция, подтвердив, что добро спасет мир. В Тбилиси потекли денежные переводы от коллег-фехтовальщиков, федераций России, Франции, Тайваня, от международной.... Одними из первых откликнулись друзья по спорту – Юрий Осипов, Арчил Гогелия, Гурам Джаиани. Решили оперировать в Ереване, где, как стало известно, от соседа Мориса, журналиста Рудольфа Ахпателова, в прошлом корреспондента Арменпресса, имеется соответствующая клиника.

В аэропорту их встретили руководители национальной федерации фехтования. Выяснилось, что наш тбилисский рапирист Грачик Гаспарян состоит в родстве с доктором Константином Тер-Восканяном.

А Морису становилось все хуже. Вызванная по телефону 911 «скорая» доставила его в больницу, а наутро уже в Детском кардиологическом центре Армении обследования доктора Шагена Хачатуряна подтвердили необходимость немедленного хирургического вмешательства. Операция – аортокоронарное шунтирование – проведенная директором центра, профессор из США Акопом Овакимяном, заняла пять часов. Наутро Мориса в буквальном смысле поставили на ноги, на второй день он начал ходить, на шестой – выписался из больницы и отметил в ресторане с армянскими друзьями свое второе рождение.

Такова вкратце история чуда, приключившегося с Морисом Сахвадзе, человеком, верным идеалам рыцарства и мушкетерского духа с молодых ногей,

Морис Сахвадзе

когда он, совсем еще мальчишкой, вместе с Нугзаром Асатиани и Гурамом Костава будущим бронзовым призером Токийской олимпиады в фехтовании на шпагах в личном зачете, пришел на первые занятия в фехтовальный зал к Трифону Месхи и в 60-ых годах утверждал высокий авторитет грузинской фехтовальной школы.

Морис на боевой дорожке ни перед кем не пасовал. В 1960 году, выступая за сборную «Буревестника» вместе с Асатиани, Череповским и Мельниковым, завоевал золотые медали в командном чемпионате страны, которые ЦСКА заведомо считал своими, имея в своих рядах Тышлера, Мавлиханова, Ракиту, Кузнецова. Окончательный счет этого матча не нарушил равновесия – 8:8, но студенты нанесли на два укола больше.

В 1963 году его – невероятно, но факт – посчитали неперспективным, лишили стипендии, а он ответил чиновникам от спорта по-чемпионски – выиграл Кубок СССР, а через год был вторым и завоевал золотые медали командного чемпионата, выступая уже за динамовцев вместе с Рыльским, и Асатиани против тех же армейцев. Выпускники горного факультета ГПИ и Грузинского института физкультуры, участник пяти Спартакиад народов СССР, в 1971 году зачехлил оружие и 15 лет работал государственным тренером Спорткомитета Грузии.

Генеральный секретарь Федерации фехтования Грузии Морис Сахвадзе остался одним из авторитетных в мире специалистов этого вида спорта, работая на престижных турнирах.

Арсен ЕРЕМЯН

СВЕЧА НАДЕЖДЫ

В 1909 году Нобелевскую премию по литературе с формулировкой «как дань высокому идеализму, яркому воображению и духовному проникновению» вручили шведской писательнице Сельме Лагерлеф за три рассказа об Иисусе Христе. Спустя почти 100 лет мэтр грузинского кино Резо Чхеидзе снял фильм по мотивам одного из этих рассказов. Говоря о «Свече с Гроба Господня» режиссер всегда подчеркивает – «мы стремились соответствовать высоким человеческим идеалам, представленным в первоисточнике». Незадолго до своего дня рождения батони Резо, побеседовал с журналистом «РК».

–«Свеча с Гроба Господня» признана «оптимистичным фильмом». Вы согласны с такой формулировкой?

–Пожалуй. И в сюжетном отношении, и в духовном плане герои своего достигают. Несмотря на адские условия, которые испытывает главный герой во время своего похода, особенно в пустыне, он с ними справ-

ляется, и исполняется вековая мечта народа. Можно сказать, что фильм носит оптимистический характер.

–О чем ваш фильм?

–Несколько веков назад в одном из грузинских монастырей горел огонь, принесенный из Иерусалима, с Гроба Господня. Но когда он погас, наступила несчастная пора. Предание гласит, что если появится герой, который принесет огонь с Гроба Господня, то Грузия вновь воссияет. Этим героем становится актер Лука Багратиони. Он превращается из безразличного парня, который ни к чему не стремится, в цельную, одухотворенную личность, гражданина. В рассказе Лагерлеф действие происходит во Флоренции XIV столетия. Я признателен авторам сценария – Сулико Жгенти, Амирану Долидзе, Анзору Джугели, за то, что им удалось «осовременить» литературную основу, перенести ее в Грузию наших дней.

–«Свеча с Гроба Господня» - совместный проект...

–С самого начала, понимая, что «Грузия-фильм» этих съемок не осилит, мы приняли участие в конкурсе Госкино России, наш сценарий отобрали, и мы, совместно с «Мосфильмом» начали снимать. Съемки в Египте, Судане, Израиле, без которых нельзя было обойтись, дорогое удовольствие. Я очень признателен российской стороне за помощь.

–В картине снимались российские актеры?

–И снимались, и озвучивали. Озвучивали Валентин Гафт, Армен Джигарханян, Лев Дуров. Кстати, никто

из них не взял гонорара. Отдельно хочу рассказать об образе, сыгранном Лидией Федосеевой-Шукшиной. Мы не ставили целью, чтобы в фильме была русская героиня. До начала съемок мы ознакомились с историей церкви Св.Тимоте, где проходили съемки. Я обнаружил, что в деревне неподалеку жила русская женщина, профессор искусствоведения Кира Привалова, защитившая диссертацию по росписям этой церкви. Так появился образ.

-А что вы могли бы сказать о грузинских актерах?

-Для двоих молодых актеров, сыгравших главные роли, это дебюты. Оба они студенты. Торнике Бзиава окончил режиссерский факультет, у него есть все актерские данные. Ани Амиридзе окончила актерский факультет. Она очень выразительная, впечатляющая, эмоциональная. В фильме снимались и наши знаменитости - актеры Отар Мегвинетухуцеси, Гиви Берикашвили, Хатуна Иоселиани, Додо Чичинадзе. Меня часто спрашивают, почему я пригласил неактеров. К примеру, Джумбера Ломинадзе пригласил, потому что он замечательный типаж. Творческие люди по-другому разговаривают, у них жесты более подвижные, более эмоциональные. Отпечаток науки – это другое.

-Почему вы сами решили прочитать текст от автора?

-Во-первых, так как мы делали русское озвучание с русскими актерами, очень хотелось сохранить грузинскую интонацию. Во-вторых, я не хотел актерского чтения. От того, что я не актер, я прочитал текст как автор, совсем по-другому, я бы сказал, очень интимно. К сожалению, на озвучание на грузинском пока нет денег. Я думаю, нельзя, чтобы Грузия не увидела такую картину.

-На какого зрителя рассчитана лента?

-Я не хотел бы делить аудиторию, скажем, по возрасту. Очень надеюсь на молодежь. Картина, первым делом, снята для нее. На многочисленных просмотрах, я постоянно чувствовал, что наш фильм затрагивает зрителей всех возрастов. Впрочем, я не снимал занимательную картину, это фильм о духовном. С этой точки зрения, я очень признателен Святейшему за одобрение и поддержку в ходе съемок. Мой фильм говорит о воспитании души человека – самой главной задаче эпохи не только в Грузии, но в мировом масштабе.

- Несмотря на то, что фильм получился многоплановым, «многосимвольным», как бы вы определили его главную линию?

-Проблема нашей страны в том, что у людей нет веры в завтрашний день. Фильм убеждает - надо жить духовно, а самые большие человеческие идеалы – гуманизм, вера в победу и служение отчизне.

-Собираетесь ли вы представлять фильм на фести-

тивалях?

-Да. «Свеча с Гроба Господня» уже одержала победу в двух номинациях на Международном Средне-восточном православном кинофестивале, награждена золотой медалью в Анапе за лучший сценарий, в этой же номинации удостоилась «Золотого витязя» на кинофестивале стран СНГ и Балтии. Мы с московскими друзьями наметили послать фильм на Берлинале. Правда, у нас нет титров на английском, и надо напечатать картину на пленке. Но, думаю, все получится.

-Грузинское кино традиционно принято делить на «прозаическое» и «поэтическое». Как вы на это смотрите?

-Я сторонник соединения двух этих начал. Мне кажется, это основная черта грузинского кинематографа, на который большое влияние оказал в свое время итальянский неореализм. Оттуда - вера в детали, поддержка простого народа, который ищет счастья, и всегда остается чистым в своих душевных отношениях. Поэтизация жизни – чисто грузинское, так снимали М.Калатоцишвили, Н.Шенгелая, С.Долидзе, Д.Рондели. Наше поколение осуществило синтез «поэтического» и «прозаического». Когда говорят о фено-

На просмотре в Тбилиском университете

мене грузинского кино, для меня лично, оно подлинно реалистично, национально и поэтично.

-Как сегодня обстоят дела в грузинском кинематографе?

-Сегодня у нас есть хорошо оснащенная техническая база, но нет творческой. Я ничего не говорю о финансировании. Хотя, из наших признанных мастеров многие могут работать, идет талантливая молодежь, подготовленная, прекрасно ориентирующаяся в обстановке. Будем надеяться, что с течением времени грузинской кинематограф опять заиграет.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Михаил Векуа

Феликс Коробов, главный дирижер театра:

- Миша Векуа - один из самых ярких представителей школы Московской консерватории последних лет. Он пришел в театр совсем молодым человеком, но его красивый голос, невероятная трудоспособность, доброжелательность и искренность сразу завоевали ему любовь зрителей и уважение коллег. Сейчас в его репертуаре практически все ведущие теноровые партии в нашем театре - Пинкертон, Хозе, Левко, Гвидон, Каварадосси. Миша с неизменным успехом принимает участие во всех гала-концертах театра, гастролях как в России так и за рубежом. Я рад нашему сотворчеству, рад совместной работе, и рад тому, что у нас впереди еще много совместных планов и встреч на сцене. Миша, дай Бог тебе удачи!

- *Пожалуйста, Миша, познакомьте читателей со своей семьей, расскажите, как вы начали заниматься музыкой.*

- Я родился в 1975 году в Очамчире, прекрасном городе, на родине моих предков. Папа получил высшее образование в Москве, и дослужился до должности

МЕЧТАЮ О ТБИЛИССКОЙ СЦЕНЕ

Однажды, в середине минувшего лета, в Москве, на Малой Димитровке, у входа в музыкальный театр столкнулись два автомобиля. Когда подроспевшие работники ГАИ спросили документы у водителя, который чудом уцелел, он царственным жестом указал на афишу «Травиаты» с именем дирижера - Феликс Коробов. Другой участник инцидента робко указал на ту же афишу - он спешил за обещанным билетом. Да, нелегко попасть на спектакль театра им. Станиславского и Немировича-Данченко; что ни представление, то аншлаги! И в числе артистов, прочно захваченных в плен зрительских симпатий, уроженец Грузии Михаил Векуа.

генерального директора лесного хозяйства Очамчирского района. Мама была на первом курсе музыкального училища, собиралась стать пианисткой, когда ее встретил папа. Увидел - идет красивая девочка, не раздумывая, решил жениться, и, как у нас водится, похитил ее. Родился старший брат, за ним я. Моему появлению на свет предшествовали экзамены мамы. Я придаю этому большое значение. Когда рассказывают, с каким самозабвением, не помня о своем положении, она готовилась сдать экзамен по специальности, я убеждаюсь, что любовь к музыке пришла ко мне еще до рождения. Заниматься музыкой я начал с шести лет, поначалу в классе фортепиано, куда меня определила мама.

- *Наверно, ваш брат в это время тоже занимался музыкой?*

- У него был отличный слух, прекрасные пальцы пианиста, но терпения его хватило лишь на четыре года. Я его превзошел, проучившись два года, объявил родителям, что инструмент мне не нравится. Мама отнеслась к этому спокойно, перевела меня в класс скрипки, и папа тотчас же привез из Москвы два новых инструмента и смычок. Случилось так, что у девочки из нашего класса оказался неудачный смычок, что сильно мешало занятиям. Поэтому, первое, что я

сделал, уговорил родителей подарить ей смычок, а потом и скрипку. Год-другой я занимался, но тут в нашей школе стали появляться спортивные агитаторы. Соблазнившись их рассказами, я загорелся желанием проверить силы в вольной борьбе, которой посвятил пять лет, бросил музыку и стал хорошим спортсменом. За этим последовало увлечение каратэ, которое продолжалось три года. Моим тренером был Мераб Чикобава, замечательный спортсмен, великолепный каратист, талантливый ученый в области молекулярной биологии (эта наука, как и профессия врача, укоренившаяся в нашем родстве, привлекала меня с ранних лет), если бы не пришлось уехать из Абхазии в последний день войны, я непременно поступил бы в медицинский институт). При всей изменчивости интересов и увлечений, непоколебимой оставалась моя преданность главному делу - пению.

- В каком возрасте вы осознали свое призвание?

- Пел я с детства, в нашей семье пели все - в этом

тет новый Паата Бурчуладзе!»

- Расскажите, как вы покинули Очамчире.

- Я был дома один и смотрел телевизор. Мои родители, не веря до конца в то, что могло произойти, с утра уехали проведать родственников. Позвонил сосед: «Бросай все, надо уходить». Я запер дверь на ключ, закрыл калитку на засов, и, не взяв ничего из вещей, с пустыми карманами кинулся к берегу Ингури, где ждал меня отец. Папа стоял на мосту и кричал вслед каждой машине: «Миша, Миша!». Я пересек мост на последнем автомобиле, и тут же началась стрельба.

- А что было потом, как случилось, что вы оказались в Москве?

- После этого я без всякой пользы провел год в Сенаки. Ходил по городу, пел, где только было можно, но дальше этого дело не шло. Жили мы на пособие и гуманитарную помощь, не было никакой надежды на получение работы или образования. Дальнейшее

«Сказка о царе Салтане». Справа М.Векуа - Гвидон

мне очень повезло. В музыкальной школе меня сразу зачислили в хор. Мой тембр заметно выделялся, голос был очень сильным, хормейстер решил, что я нарушаю ансамбль и оставил меня только в качестве солиста. А пел я хорошо, увлекался репертуаром Л.Лещенко, очень любил песню «День победы», и, когда исполнял ее в школе, директор плакала. Представьте, в детстве у меня был бас. Гуляя с родителями, я любил громко распевать: «папа купил автомобиль»; прохожие оглядывались и говорили: «Смотрите, рас-

пребывание в этом городе нам представлялось бессмысленным, нужно было уезжать. В семье оставались кое-какие вещи, их удалось продать, и, пройдя через множество трудностей, мы оказались в Москве. Так мы расстались с родиной моих предков и нашим лучшим в Очамчире домом, притом, единственным, который не разграбили и не разнесли по кирпичикам.

- Оказавшись в юности в России, вы, благополучный, обласканный в семье сын большого начальника, еще не имели специальности. С чего начинали?

- Надо было жить, и я стал заниматься ремонтом квартир - сначала в качестве разнорабочего, затем уже как частное лицо, и, быстро освоив почти все разновидности этой профессии, открыл свой офис.

- А музыка?

- Мои дела настолько поправились, что я стал посещать уроки английского языка, и этот шаг оказался судьбоносным. Учитель убедился в моих способнос-

«Тоска». Каварадосси - М.Векуа

«Моцарт и Сальери». Моцарт - М.Векуа

тях и отвел в музыкальное училище. Познакомил с Николаем Михайловичем Мартыновым. Он послушал меня и спросил: «Молодой человек, у кого вы учились?». С трудом убедил его, что никогда не учился, и образцом для подражания было пение моих родителей. «Вы хорошо поете, и у вас перспектива стать

большим оперным певцом». Я спросил, кто я по голосу, и услышал: «Если бы вы попали не ко мне, вам сказали бы баритон, а я слышу, что тенор». Мы приступили к занятиям, и через пять месяцев я поступил в музыкальное училище с украинской песней «Дивлюсь я на небо». Через год на зачете по специальности мне поставили 4+++-. Декан объяснил: «Не ставим высший балл, чтобы вам не захотелось продолжать учебу здесь, вам пора поступать в консерваторию». Пожал руку. Придя в себя, я стал советоваться с ним о выборе программы. Он сказал: «Все тенора будут петь «Ах ты, душечка», а ты возьми «Вижу чудное приволье». Эта песня меня так увлекла, что оставшиеся два месяца я не мог с ней расстаться, я упивался этой музыкой.

Одновременно усиленно готовил себя к экзамену по сольфеджио, так как конкурс предстоял серьезный. В списке значилось 650 абитуриентов, после консультации осталось чуть больше половины. Особенно много поступало в тот год теноров, притом очень сильных. Не поступили лица, которым в дальнейшем суждено было украсить известные оперные сцены.

- Как отнеслись к такому повороту в судьбе ваши близкие?

- Все очень радовались – и в Москве, и в Очамчире. Но бабушка никак не могла понять, для чего в консерватории учатся пять лет - что это за такая длинная песня?

Дойдя до третьего курса, я решил принять участие в конкурсе, чтобы поступить в оперный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко. Предстояло пройти 3 тура. Третий, самый сложный тур начал с арии Хозе. «Что будет дальше? – спросил Александр Борисович Титель, художественный руководитель театра и режиссер, который возглавлял комиссию. – Дальше Каварадосси. – Помнишь, в какой ситуации находится этот персонаж? – В тюрьме. – А на тебе отглаженный пиджак. Сейчас же сними его! И бабочку тоже!» Я кладу пиджак вместе с бабочкой на рояль. – Выкинь за сцену! – Я уношу. – А кто тебе дал такую накрахмаленную сорочку? Снять!» – Снимаю и, голый по пояс, начинаю исполнять свою арию. А потом уже в сорочке, пою Германа. И это шоу с раздеванием на сцене проходило в присутствии всей труппы. На собеседовании после конкурса Александр Борисович сказал: «Ну что ж, голос у тебя хороший, есть большая перспектива, но пока поешь ты не очень. Вот, когда станешь петь, как Карузо, я дам тебе все партии. Пока возьми список; там названы 16 второстепенных ролей, через которые необходимо пройти».

Я начал выступать, и уже после двенадцатой роли получил доступ к ведущим партиям. Но до сих пор не знаю, стал ли я петь, как Карузо.

- Вы полюбили эти роли?

- Исполняя их, я удостоивался больших похвал. После Сполетта в «Тоске», бывший в театре Титель сказал мне: «Я спросил у сына, кто тебе больше всех понравился, и он ответил: «Сполетта». В «Иоланте» Чайковского есть персонаж по имени Альмерико, оруженосец короля. В эпизоде встречи короля Рене с Водемоном он появляется со словами: «Простите, государь, я дождался за дверью вас со свитой». Но его объяснения обычно не доходят до слушателя из-за очень насыщенного состава оркестра. Как же я был

горд, когда после первого выступления услышал от подошедшей дамы: «Сколько раз была на спектакле, и только сейчас поняла, что в этом эпизоде происходит».

- А ваша первая большая роль?

- Гвидон из «Сказки о царе Салтане». Одновременно была и другая роль - не второстепенная, но и не главная. Это Альфред, студент в «Летучей мыши», который влезает в окно к Розалинде. Я выступил удачно и убедился, что обладаю комедийным даром - зал «рыдал» от смеха. В дальнейшем же мои дебюты в заглавных партиях почему-то проходили вне стен нашего театра - во время выездных гастролей или по приглашению: «Тоска» в Кирове, «Мадам Баттерфляй» на Кипре, «Травиата» в Чебоксарах. До сих пор не могу понять, в чем была причина - боялся ли театр показать меня здесь или решено было проверить начинающего певца на незнакомых сценах. А теперь я пою и в нашем театре, и в тех, где приходится гастролировать, и всегда в первом составе исполнителей.

- Одна из ваших последних ролей - Левко в «Майской ночи» Н.А. Римского-Корсакова (авторы спектакля Александра Титель и дирижер Феликс Коробов). Эта постановка завораживает зрителя неиссякаемым полетом фантазии. Нежная лирика переплетается с гротескно заостренным комизмом, подчинившим себе сценографию. Как вы отнеслись к экстравагантным костюмам, в которых предстояло выступать?

- Поначалу они меня шокировали. Я не знал, как это выглядит со сцены, и притом было очень неудобно. Костюмеры мне ушили шаровары, а то они были еще шире. Тем не менее, впечатление от первого спектакля осталось очень приятное. Я на него настраивался, слушая запись с исполнением игры Лемешева и полюбил эту музыку до того, как сам вышел на сцену.

- Импонирует ли вам прием, когда экстравагантные наряды персонажей вдруг преобразуются в современные будничные, и действующие лица вдруг принимают другой облик - я имею в виду сцену Головы со свояченицей и винокуром?

- В таких случаях я вспоминаю премьеру «Кармен». Ее так не приняли, Бизе получил инфаркт и умер от сердечной недостаточности. Я, конечно, против резких сдвигов, однако, оперный театр растет, развивается, и сегодня на оперной сцене мы проводим больше экспериментов, чем в любом драматическом театре, оставаясь при этом культурной элитой.

- Эксперименты, о которых вы говорите, противоречивы, опасны и зачастую неубедительны, но ваш спектакль, где все так гармонично, не подлежит критике.

- Я очень рад. Надо сказать, что мне очень нравится мой Левко - внешне грубоватый и неисправимый романтик и жизнелюб в душе. Я выхожу на сцену наголо выбритый, со сверкающей лысиной, в неле-

пых шароварах, надкусываю яблоко перед началом любовной арии, а после спектакля то и дело слышу: «Какой вы были милый, обаятельный, красивый», и чувствую, как меня охватывает радость.

- Ваша любимая роль дон Хозе. Удалось вам привнести в этот образ свое понимание?

- В отношении к партии Хозе мне многое дали советы Александра Борисовича Тателая.

- Кто ваши любимые партнерши?

- Всех своих партнерш я одинаково люблю.

- Приходилось вам выступать в Тбилиси?

- Нет, это моя большая и самая заветная мечта. Как я завидовал Сергею Гайдаю, солисту Большого театра, или моей коллеге по театру Амалии Гогишвили, ученице Зураба Соткилава, которых маэстро взял с собой на празднование юбилея в Грузии, и они по-

«Мадам Баттерфляй». Пинкертон - М.Векуа

том рассказывали об этих дивных днях (в это время я был на гастролях далеко от Москвы). Года два назад во время фестиваля памяти Ф.Шаляпина в Казани я познакомился с Паатой Бурчуладзе, моим кумиром детства. Он стоял за кулисами, когда я, закрывая первое отделение, исполнил стретту Манрико из «Трубадура», вызвав овации зала. Шла прямая трансляция, и громадная ответственность, которую я при этом испытывал, усиливалась от сознания, что меня слушали давно разлученные со мной мои дорогие абхазские бабушки, Женя и Теа. Маэстро Паата поздравил меня, дал высокую оценку моему пению и удивился, что я никогда не выступал в Тбилиси. Я сказал, что там меня не знают и поэтому не приглашают. Он обещал свое содействие.

- Я желаю вам новых ролей, интересных гастролей, и, конечно, выступления на сцене оперного театра в Тбилиси.

Мария КИРАКОВА

Галина Бандура в Италии

СОЛНЦЕ ГАЛИНЫ

Если бы на белом свете не существовало Галины Бандура, ее обязательно кто-нибудь да выдумал бы – вместе с дочкой и мужем, с домом и садом, с учениками и поклонниками, с волшебным звуком ее Скрипки.

Если вы слушали скрипку Галины, значит, судьба уже отсыпала вам пригоршню счастья в подарок. Ну, а если вам выпала удача познакомиться и попасть в гости к ней в дом, можете считать, что глотнули целебного воздуха добра и радости, и его вам хватит с избытком надолго. Еще останется и с другими поделиться.

Необыкновенно светлая семья – скрипачка Галина Бандура и альтист Анатолий Данелян.

Выпускники Тбилисской консерватории, они уже более тридцати лет верны профессии и немногим менее – друг другу. Впрочем, они всегда вместе – и в работе, и вне ее, они давно уже как сообщающиеся

сосуды, и представить их друг без друга просто невозможно.

В конце 90-х в Тбилисском оперном театре Мстислав Ростропович играл Дворжака и Канчели. Партнершей великого маэстро выступила Галина, блестяще исполнив скрипичное соло в Концерте для виолончели Дворжака.

Сегодня их детище, их главный проект – интереснейшее трио: скрипка (Галина Бандура), альт (Анатолий Данелян), фортепиано (композитор и пианистка Нана Кобаладзе).

Однако не меньше времени, сил и энергии Галина отдает и своим ученикам в Школе искусств им. А. Хачатуряна, пестуя, воспитывая, обучая их по своей уникальной методе.

Летом этого года «за популяризацию грузинской классической музыки, за активную творческую и педагогическую деятельность» Галина Бандура была удостоена Ордена Чести. Честь и достоинство – в жизни, максимализм и непреклонность – в профессии, готовность к пониманию – в человеческих взаимоотношениях – это про Галину.

В штормовом море сегодняшних дней дом Галины Бандура – это обитаемый остров с негаснущим маяком. Название этому маяку – любовь, талант и труд. Нужны ли какие-нибудь другие ориентиры чело-

веку?

- Сад немного запущен,- извиняется Галина, приглашая в дом.- Мы в вечных разъездах. Постоянно уезжаем – возвращаемся...

- А были искушения уехать и не вернуться?

- Конечно, были. И в плане профессии, и, это главное искушение, потому что наша дочь уже много лет живет и работает за границей.

Несмотря на то, что отец у меня украинец, здесь мы считаемся русскими или, если угодно, русскоязычными. Но мы странные русские – грузинские русские. В России нас не признают за своих из-за кавказского акцента, ну а здесь, что скрывать, во время сложных политических ситуаций иной раз кое-кто спрашивал, не уезжаем ли мы, не продаем ли дом... Я всегда отвечала - Что мне делать в России? Да, я получила русское образование, я воспитана на русской культуре. Но я родилась в Грузии, моя земля, моя родина – здесь. Причина нашего постоянства, может быть, в этом доме. Что-то в нем есть такое, что держит меня, не отпускает из Грузии. Ведь он держится на большой любви. Моя мама, Валентина Васильевна, родилась под Манглиси. В ней было много разных кровей, но воспитана она по всем канонам грузинской семьи, во главе которой стоял мой дедушка-грузин, а русское образование дала ей моя бабушка. Во время Великой Отечественной они переехали в Тбилиси, где мама окончила 43-ю школу. Впоследствии она стала педагогом

от него.

- Так что определение «золотые руки» к вам можно применить в самом широком смысле...

- Получается так... Папа занимался электрификацией по всей Грузии. Один из объектов работы был в Манглиси. Папа увидел мою маму – а она красавица была необыкновенная – влюбился моментально, и на всю жизнь. А потом началась война. Папа прошел всю войну. Вернулся инвалидом. Но главное – вернулся живым и вернулся именно в Грузию, за моей мамой. «Я украинец,- говорил он,- но меня тянет сюда. Это

Играет трио

С супругом

начальных классов. А папа, Федор Федорович Бандура, попал в Грузию еще до войны. Он из Запорожья, приехал в Грузию как редкий специалист-электрик. Он был великолепным мастером своего дела, все умел делать своими руками. Мне многое передалось

куда я приходила играть в оркестре, которым руководил Михаил Дзидзишвили, ни в консерватории – он закончил ее в тот год, когда я поступила. Познакомились мы случайно, на телевизионной записи. Он мне понравился с первой встречи. Потом - вновь случайно

моя судьба»... Наш сад заложен моей бабушкой, а дом выстроен моим отцом, и действительно заложен на любви. Прелесть и уникальность этого дома в том, что он построен руками одного человека. До сих пор для меня загадка: как можно в одиночку, к примеру, поднять крышу? Но он смог. Наверное, это был своего рода способ покорить женщину. Каждый покоряет по-своему. Мой папа выстроил дом для любимой. Я тоже ждала человека, который поймет и примет меня такой, какая я есть,- без прикрас, со всеми моими плюсами и минусами. В свое время мы не пересеклись ни в 43-й школе, где он учился и

- встретились второй раз. А уж когда пересеклись в третий раз, и снова по воле случая, я себе сказала: «Если я не выйду за него замуж, я не выйду замуж никогда. Если он даже уже чей-то, убьюсь, но буду отвоевывать».

- Но бороться за Анатолия, как я понимаю, не пришлось?

- Бороться не пришлось. Хотя мы оба не спешили. Наши отношения начали складываться, когда мы оба играли в Камерном оркестре. Он сидел в альтях, а я – во вторых скрипках. Отношения строились так – шпилька за шпилькой, укол за уколом.

- Настоящие Беатриче и Бенедикт из «Много шума из ничего»!

- Совершенно точно! Я думаю, что в первые скрипки меня пересадили еще и потому, чтобы отсадить от него подальше. Но я очень хотела, чтоб рядом со мной всю мою жизнь был именно такой человек... Анатолий из замечательной семьи. Его отец – художник Рачия Данелян, мама – оперная певица Ольга Корובהа.

А. Данелян.- У мамы было редкое драматическое сопрано. Одиссей Димитриади звал ее с собой в Москву, но она осталась в Грузии. А папа, кстати, тоже очень любил петь и как-то, будучи уже студентом Академии художеств, на спор поступил в Москве в Институт им. Гнесиных. Но все же остался в Тбилиси и продолжил учебу в Академии.

- Судьбы ваших родителей и ваши судьбы – яркий пример, во-первых, того, как люди, приехав в Грузию на время, остаются здесь навсегда и связывают с ней свою судьбу, и, во-вторых, того, как сложно, расстаться со своей родиной...

- Да, это так. После учебы я должна была уехать в Киев, а Анатолий – в Москву. Но что-то вечно не пускает, тянет назад, на родину. И тогда, и сейчас. Всегда.

- Я не спрашиваю Анатолия, почему он выбрал стезю музыканта. В какой-то степени она, видимо, была предопределена. А как вы, Галина, пришли к скрипке?

- Честно говоря, в 50-60-е годы пианино было одним из символов благосостояния наряду с холодильником (который, кстати, из уважения к этому предмету ставили не на кухне, а в комнате), шифоньером и диваном. Мама хотела, чтобы я получила музыкальное образование. Я обожала вертящийся стульчик у пианино, но ненавидела играть. Может быть, потому, что мне очень не повезло с педагогом. Я до сих пор помню, как, держа меня за плечо во время занятий, она просто впивалась в него ногтями. На вступительные экзамены в музыкальную школу я не попала по воле случая. После долгих уговоров комиссия согласилась меня прослушать дополнительно. В классе фортепиано все места были заняты, да и приговор педагогов был удручающий – слуха нет, о чувстве ритма и речи нет. В виде исключения мне разрешили попробовать пойти в класс скрипки. Как же я им благодарна, что они так круто и так счастливо для меня изменили мою жизнь!

- Кто были вашими учителями?

- Моим первым учителем в музыкальной школе – и учителем замечательным! – был Анзор Шалвович Диасамидзе. Все скрипичные тернии я прошла вместе с ним. Сейчас мы с ним большие друзья, наши пути не

разошлись, и когда я играю свои самые сложные проекты, он всегда рядом. В училище моим педагогом стал Генрих Левонович Шавердян. Он мой бог. Он стал моим главным учителем. Учась в консерватории, я советовалась с ним во всем. Однако он был человек очень жесткий. Определение «дура» было привычным в его лексиконе, но это не было обидно, это был для меня мощнейший стимул – искренний, энергичный. Я говорила ему: «Моя фамилия – Бандура, а вы почему-то все время забываете первую половину фамилии». Он очень многому меня научил. За четыре года учебы он сделал из меня настоящего профессионала.

А.Д. - Вообще, надо отметить, что конкурентов у Шавердяна не было. Он был непревзойденным педагогом.

- Пожалуй, именно в эти годы, когда учеба – а мне уже стало понятно, что это и наслаждение, и труд – совпала с тяжелыми жизненными обстоятельствами, и начал проявляться мой бандуровский характер с его настойчивостью... Конечно, он не всем нравится...

А.Д. - Сочетание таких качеств, как у Галины, встречается редко – это совершенно исключительные целеустремленность и трудоспособность. Я старше нее, но, не скрываю, бывало, что и мне иногда приходилось как-то подтягиваться вслед за Галиной.

- А на каком инструменте вы играли?

- Вот уже 30 с лишним лет играю на скрипке, которую мне купила в свое время мама, отдав за нее всю свою зарплату. Это старинная немецкая скрипка с великолепным звуком. Ей более 200 лет. Не представляю своей жизни без нее. А у Анатолия – именного альтя, сделанный для него легендарным Денисом Яровым.

- Как складывалась ваша карьера после окончания консерватории?

- Еще во время учебы наш студенческий камерный оркестр принял участие в конкурсе камерных и симфонических оркестров им. Г. Караяна в Западном Берлине. Мы одержали победу, завоевав первую премию. Я сидела за первым пультом. Кстати, это был последний конкурс им. Караяна. Ну, а потом было постоянное развитие, движение – камерные и симфонические оркестры, оркестровые соло... Мы работали в симфонических оркестрах – с Джансугом Кахидзе, который, помню, однажды, представляя меня кому-то, сказал: «Знакомьтесь – Галина Бандура, гроза всех дирижеров»; с приглашенным из Перу Дэвидом Клинге – для меня особенно ценно, что с ним я сыграла одну из любимейших вещей – «Шехерезаду» Римского-Корсакова... В начале 90-х годов – тяжелые времена! – оркестры стали распадаться. Распались и два камерных оркестра – Вадима Шубладзе и Юрия Дадиани. Вот тогда на основе этих двух коллективов и возник мой Камерный оркестр.

- В то непростое для искусства время, вы, возглавив оркестр, сохранили коллективы и не дали музыкантам остаться без работы.

- И это при том, что меня никогда не прельщало дирижерство. Мое дело – играть. Но потом я вошла в раж, мне это страшно понравилось. И я подумала – не надо махать дирижерской палочкой... Хотя все всегда очень удивлялись – как это можно играть без дирижера?

- А действительно, как?

- Я считаю, если музыкант – Музыкант, то палка

ему не нужна – ни в прямом, ни в переносном смысле. Ведь дирижерская «палка» - это всегда диктат. Если дирижер очень хорош, и его интерпретация интересна, то и оркестр играет интересно и талантливо. А если палочкой машет неудавшийся дирижер, то хорошие музыканты сидят в оркестре и маются. Вот для таких я - «гроза». Итак, в моем Камерном я отказалась от «палки». У меня были очень сильные концертмейстеры: Анатолий Данелян - в альтях, Михаил Хоштария - в виолончелях. В начале 90-ых, мы репетировали в холодных помещениях филармонии, иногда – в Центре Дж. Кахидзе... Позже мы стали выезжать. Нас узнали и полюбили в Европе, особенно – в Германии. Но, как это часто случается в музыкальном мире, дело не обошлось без подводных течений, необъяснимых препон. Наш Камерный изжил себя. Остался квартет – две скрипки, альт, виолончель. Мы играли интересные программы, много выступали. Потом квартет превратился в неординарное трио – скрипка, альт, фортепиано. За фортепиано –прекрасный композитор, замечательная пианистка Нана Кобаладзе. Тогда же сложились наши отношения с Ией Кватадзе, ныне – председателем женской общественно-благотворительной организации «Эртоба» и нашим менеджером. Кстати, нельзя не отметить исключительность личности Ии. Это не только талантливый организатор, но и человек уникальнейшей доброты.

А.Д. – У нее уникальный талант - делать людям добро.

– В последние годы мы работали с Кавказским камерным оркестром, организованным великолепным пианистом и композитором Увэ Беркемером, который, кстати, женился на грузинке и даже получил грузинское гражданство. За три года мы объездили всю Европу, и везде имели огромный успех. А на сегодняшний день мы возродили наше трио, которое существует при ассоциации, возглавляемой Ией Кватадзе.

- Какой из ваших концертов стал самым запоминающимся для Вас?

- На этот вопрос ответить очень сложно. Но, пожалуй, я скажу о концерте, который не просто запомнился, а который я считаю настоящим подарком судьбы. В январе этого года в Тбилиси была большая презентация концертов народного артиста Грузии, академика философии Феликса Глonti. Я сыграла его концерт-симфонию для скрипки и симфонического оркестра «Метаморфозы жизни», который получил первую премию на III международном конкурсе композиторов им. Прокофьева в Санкт-Петербурге. А его скрипичный концерт – это что-то необыкновенное, невыразимое словами. Он может быть внесен в Книгу Гиннеса, как самый долгий из скрипичных концертов, написанных за всю историю скрипки. Он длится 1 час 10 минут.

-В прошлом году получил широкий резонанс эксперимент, который провели журналисты газеты «Вашингтон пост». По их просьбе суперзвезда классической музыки Джошуа Белл в течение 45-ти минут играл на станции вашингтонского метро. Играл в полную силу. Ему не удалось собрать слушателей. Что же происходит, если людей не привлекала великая музыка в исполнении великого музыканта?

– Мы снова возвращаемся к вопросу о публике. Ситуация, произошедшая с Беллом, у которого, кста-

ти, самый красивый, самый теплый звук, может произойти с любым большим музыкантом. Значит, дело не в исполнителе, а в слушателе. Белл играл классику. А если бы сыграл какую-нибудь песенку, то собрал бы толпу. Ведь собирает же он огромные залы с очень дорогими билетами. Значит, его публика в зале – это его публика. Она подготовлена. Публику надо учить, она должна быть воспитана, выращена.

- Как Вы относитесь к распространенному опыту соединения поп-музыки и классического исполнения, вообще к сотрудничеству классических музыкантов и музыкантов иных направлений?

- Я всегда готова к новому, к любым экспериментам. Можно исполнять популярные произведения,

Стараемся не расставаться

чтобы расширить круг публики. Прекрасным может быть сочетание классической музыки и поэзии. Невероятный эффект дает театрализованное исполнение классики. Так что здесь возможности просто неисчерпаемые.

- Время меняется, требования публики меняются. Гидон Кремер в свои последние выступления просто добавил элементы клоунады – его игру сопровождают специальные люди, которые веселят публику. Виолончелист Йо-Йо Ма использует на своих концертах элементы китайского народного творчества – выкрики и барабаны. Но мне кажется очень важным подчерк-

нуть: классическое исполнение классической музыки – это не вчерашний день. Это вечное.

- *Каждого великого скрипача характеризует свой стиль игры. Ойстрах как-то раз посоветовал студенту: «Когда играете октавы, играйте их не очень чисто, иначе сложится впечатление, что вы играете на одной струне». Может быть, такие вот шероховатости – у каждого свои – и создают стиль скрипача?*

- Мой стиль - это стиль моей жизни. Это то, о чем я мечтала, что у меня есть и чем я дорожу. Первое – семья. Второе – красивый сад. Третье – интересные книги. И скрипка. Скрипка - это мое все. Она всегда со мной. Мне предлагали, например, оставить ее, чтобы не мешала при общении, в резиденции президента, под охраной. Или в Вене, в отеле «Хилтон», чтобы можно было спокойно прогуляться по городу, – представляете, какая и там охрана? Но я не могу – просто не могу с ней расставаться.

- *Вы играли во многих странах мира. Где игралось*

На отдыхе

легче всего?

- Проще сказать, где играть сложнее. В Тбилиси. Здесь хорошая публика. Тбилисский зритель – самый требовательный. Настолько требовательный, что иногда кажется, будто он даже ждет какой-то ошибки или промаха.

- *Мне рассказывали многие российские артисты, что в свое время московские, ленинградские театры всегда старались привезти свои премьерные спектакли именно в Тбилиси – на проверку. Все знали - если в Тбилиси будет успех, значит, спектакль удался.*

- Вот и в музыке также. Хотя, знаете, где нам очень легко играть? В Ассоциации украинцев Грузии. С ней нас связывают и творческое сотрудничество, и дружеские отношения с Михаилом Борисом, который

ее возглавляет. Вот там действительно удивительная аудитория – теплая, исключительно доброжелательная.

- *А какая публика в Европе?*

- Мы объездили всю Европу. И вот, как я вам отвечу, если несколько расширить ваш вопрос. У меня совершенно отсутствует комплекс преклонения перед иностранцами. Я абсолютно точно знаю, что они такие же, как и мы.

- *Наверное, и к преподаванию вы пришли с какими-то собственными идеями?*

- Мы очень долго не приступали к педагогической деятельности. Но я все же начала преподавать, и во многом потому, что не хотела, чтобы исчезла школа мастерства, которую я прошла, скрипичная школа Генриха Шавердяна. Преподавать мы пришли в музыкальную школу, которую возглавляет Таризл Берадзе, исключительный профессионал, интеллигент высшей пробы (кстати, по материнской линии – потомок Шереметьевых).

- *В чем особенность Вашего стиля преподавания?*

- Я не разделяю широко распространенного мнения, что серьезно работать надо только с талантливыми детьми – одинаково глубоко работаю со всеми моими учениками, памятуя, что есть разные типы дарования – в том числе и такие, которые раскрываются поздно. Пытаюсь разглядеть в детях не только музыкальные, но и иные творческие способности, к примеру, артистические. Именно по этому принципу строятся наши ежегодные классные концерты - они превращаются в музыкальное театрализованное действие, в котором дети могут проявить свои таланты еще шире, еще ярче. На такие концерты мы, к примеру, можем пригласить профессиональный квартет, чтобы он аккомпанировал ученику. Представляете, какой это стимул?

При этом я считаю, что каждый ребенок, вне зависимости от своих способностей, обязан выйти на сцену.

В моих классах нет оценок. Оценка по-своему нужная вещь, но если на это болезненно реагирует психика ребенка, от этой системы необходимо отказываться. Если хочешь добиться чего-то настоящего, то это надо делать себе в удовольствие и с любовью. Только тогда ты доставишь удовольствие и другим.

Известный скрипач и скрипичный мастер Македон Иванович Makeев постоянно повторял: «Найди свой звук». Потому что настоящий звук прошибает стены. Я знаю, как ставить звук. Это моя тайна, но я ее раскрываю. Раскрываю моим ученикам.

Говоря словами поэта, «и море, и Гомер – все движется любовью». Пожалуй, именно в этом и заключается главный жизненный принцип Галины Бандура.

Как-то ее ученик, придя на урок, заявил, что играть не сможет. И объяснил, почему – пасмурно, а когда на небе нет солнца, ему не играется. Галина не стала ни уговаривать, ни настаивать, ни требовать. Она просто взяла лист бумаги и нарисовала яркое, веселое, красивое солнце. И мальчик заиграл. Теперь, приходя на урок, он, просто по детской рассеянности, может иногда забыть ноты, но рисунок – никогда. Так и играет с тех пор ее ученик – под солнцем. Под солнцем Галины.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

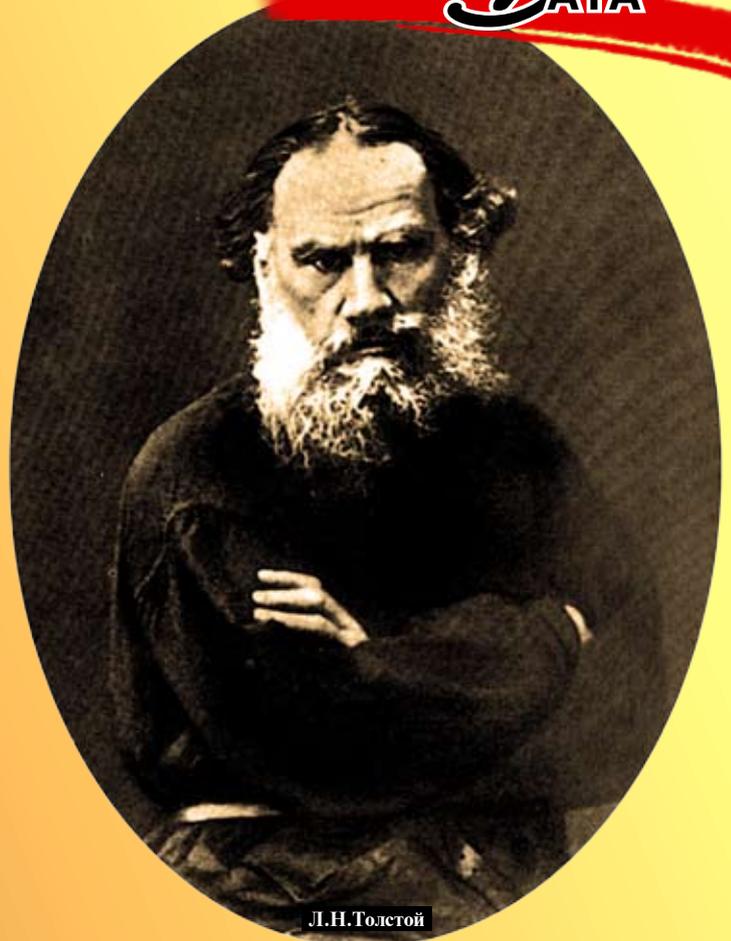
ЮБИЛЕЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В 1890-е годы Толстой писал, что подлинное произведение искусства, подлинное произведение литературы служит единению людей. Этой эстетической формуле он, в сущности, следовал всю свою жизнь. Вот уже более ста пятидесяти лет произведения самого писателя служат делу единения людей всего мира. В прошедший август именно сочинения Толстого, его тексты в сопряжении с текстами других художников слова объединили в Ясной Поляне ученых и переводчиков, писателей и журналистов, всех, кому дорого творчество писателя. Приехали исследователи и переводчики из России, Украины, Литвы, Польши, Израиля, Австрии, Дании, Швейцарии, США, Мексики, Франции, Италии, Испании, Греции, Нидерландов, Японии, Турции. В разговоре о Толстом в контексте русской и мировой литературы, философии, религии сошлись русисты, принадлежащие разным научным школам и направлениям, использующие в своих исследованиях разные методы и методологии, но Толстой и Ясная Поляна неизменно объединяют всех. Неслучайно все подчеркивают необыкновенно дружескую, теплую атмосферу яснополянских конференций.

Международная конференция «Лев Толстой и мировая литература», которая проходит в Ясной Поляне с 1998 года, является крупнейшим форумом исследователей Л. Н. Толстого. На последней конференции звучали доклады высочайшего уровня, а поток вопросов, ремарок, комментариев невозможно было регламентировать никакими рамками. Когда удастся конференция, семинар? Только тогда, когда складывается высокого класса дискуссия, а не просто аплодисменты после очередного доклада. На наших конференциях и семинарах происходит что-то фантастическое: вокруг великолепие яснополянской природы, стоит благословенный август, а в зале Дома Волконского – негде яблоку упасть, никто из участников и гостей не хочет уходить – настолько высок градус дискуссии!

Естественным продолжением конференции стал III Международный семинар переводчиков Л. Н. Толстого и других русских писателей: размышления о текстах Л. Н. Толстого перешли в русло аутентичности их перевода на иностранные языки. Заглянуть в творческую мастерскую переводчика сочинений Толстого, - что может быть увлекательнее, особенно, когда о тонкостях перевода размышляют такие мэтры, как Анна Пастернак или Жаклин де Пруаяр! Интересная дискуссия сложилась на круглом столе «Поэт и его переводчики», посвященном творчеству Ольги Седаковой. Тематический диапазон докладов и сообщений был чрезвычайно широк. Сегодня традиционные функции литературы все активнее перенимаются новыми медиа. Контекст литературного произведения все чаще дополняется экранным изображением, энергией живого исполнения, но при этом меняются привычные читательские установки и в целом самосознание читателя как адресата. Поэтому доклады, сообщения о переводе языка литературы на язык кино становятся уже традиционными на наших конференциях и семинарах.

Завершающим аккордом и конференции, и семинара традиционно является презентация новых изданий

Л.Н.Толстой

о Л. Н. Толстом, новых переводов его произведений. В этом году были представлены новый выпуск Яснополянского сборника, сборник материалов V Международной конференции «Толстой и мировая литература», который попал в рейтинг лучших изданий «Литературной газеты». В сборнике представлены такие работы, как «Кавказский текст Л. Толстого в онтологическом измерении» К. Султанова (Россия), «Восточный вопрос в восприятии Толстого и Достоевского» Коити Итокавы (Япония), «Толстой: боец за мир» Рика Мак-Пика (США), «Л. Н. Толстой – читатель Канта» А. Круглова (Россия), «Своего рода Исайя: восприятие творчества Л. Н. Толстого в Бразилии конца XIX столетия» Бруно Барретт Гомиде (Бразилия), «Толстой и индийское философское мышление» Радхи Баласубраманиани (США-Индия), «Стихия праздника в повести Л. Н. Толстого «Казачьи» Галины Алексеевой (Россия) и многие другие интереснейшие статьи, - всего 31 статья, написанная авторами из восьми стран.

Участниками конференции и семинара были не только известные ученые и переводчики, но также писатели и журналисты: лауреат литературной премии «Ясная Поляна» Александр Яковлев («Литературная газета»), Ирина Тимофеева («Новая газета»). Присутствие на конференции и семинаре Владимира Ильича Толстого и Евгения Борисовича Пастернака не только символизировало неразрывность традиций, но и задавало определенный тон и настрой течению заседаний и дискуссий.

Галина Алексеева,
Заведующая отделом научно-исследовательской
работы музея Л.Н.Толстого «Ясная поляна»

Вот и зимушка пришла. «Декабрь-то год кончает, а зиму начинает». Декабрь уже холодный, студеный. Его и называли так: студен, замнак. Люди боялись холодов, морозов. И в сказках Морозко, Мороз Иванович, Мороз-трескун не всегда был добрым. Он не делал подарков. Наоборот, ему дарили кашель, кутью (зерновую кашу с изюмом), чтобы он стал добрее. Со временем Дед Мороз наш подобрел. Он приходит к нам в Новый год со своей внучкой Снегурочкой, веселит детей, дарит подарки, отгоняет все плохое и водит хороводы вместе с детьми.

А пока послушай-ка сказку.

МОРОЗКО

Живало-бывало, — жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернешься — бита и недовернешься — бита. А родная дочь, что ни сделает — за все глядят по голове: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — еще до свету... Ничем старухе не угодишь — все не так, все худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

- Вези, вези ее, старик, — говорит мужу, — куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

- Садись, милая дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее проби-

рает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

- Тепло ли тебе, девица?

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

- Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

- Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места — под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.

А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут. Старуха бросит ей блин:

- Не так тьявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...» Собака съест блин и опять:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, а собачка — все свое...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула — и руки врозь...

- Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокою елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

- Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

- Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать :

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

- Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

- Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

- Не так тьявкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка — все свое:

- Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая. Заголосила старуха, да поздно.

Вот так-то, видно, и добрел Морозко, знакомясь с хорошими людьми, послушными, добрыми. Они заслуживали его хорошего отношения, подарков, ведь «что посеешь, то и пожнешь», «добро добром прорастает». Светлый праздник ждет всех в конце декабря. Счастливого вам Нового года, счастливой встречи с Дедом Морозом и Снегурочкой!

БАБУШКА ДАРЬЮШКА

Белла Белецкая

ОНА БЫЛА ЗВЕЗДОЙ

Белла Белецкая из плеяды актрис русского драматического театра им. А.С.Грибоедова 30-50-х годов. Она была ведущей актрисой и принадлежала к числу красивейших женщин Тбилиси.

Родилась Белла Белецкая в Киеве в 1903 году. Сценическую жизнь начинала в Одессе в театре «Красный факел». Работала и в Баку, потом по возвращении в Украину снялась в фильмах и играла в театре имени Шевченко. В Грузию попала в 1926 году. Находясь в Москве, Белла Георгиевна познакомилась с известными кинорежиссерами Германом Гогитидзе и Александром Ццунава. В то время Тбилисская фабрика немного кино экранизировала кинотрилогию по лермонтовскому «Герою нашего времени», и они пригласили ее в Грузию на съемки. Здесь она сыграла Веру в «Княжне Мери», черкешенку Дину в «Максим Максимыч» и жену почтмейстера в «Бэле». Любимой ролью ее была роль в фильме «Женщина с ярмарки» кинорежиссера Георгия Макарова, снятая уже на Госкинопроме Грузии.

На съемочной площадке Белла Георгиевна познакомилась со многими превосходными актерами: Тамарой Болквадзе (княжна Мери), Георгием Дави-

ташвили (Грушницкий), Николаем Прозоровским (Печорин), Александром Такашвили (доктор Вернер). Творческая атмосфера и теплые отношения окружающих ее друзей навсегда привязали Беллу Георгиевну к Грузии.

В те времена при Доме Красной Армии была театральная труппа и возглавлял ее приехавший в Тбилиси ленинградский режиссер А.С.Любош. Белла Георгиевна, окончившая театральную школу в Одессе, играет в спектаклях Любоша ведущие роли.

В 1932 году создается в Тбилиси новый государственный театр русской драмы (ТГРТ). Значительная часть актеров театра Красной Армии вошла в состав труппы, которую возглавил Котэ Марджанишвили. Ко дню открытия вышел спектакль М. Горького «На дне», где Белла Георгиевна превосходно сыграла роль Нasti.

Мой отец, Константин Андреевич Тихонов, был партнером Беллы Георгиевны в спектаклях, и часто меня брал в театр. За кулисами я познакомилась со своей сверстницей дочкой Беллы Георгиевны, Ириной, дружба с которой продолжалась долгие годы.

В Государственном русском театре был обширный репертуар, шли превосходные спектакли. В моей памяти запечатлелись многие роли Беллы Георгиевны: роль Бэрди в «Лисичках» Л.Хелмана, Спонтини в «Заговоре Фиеско», Оливии в комедии Шекспира «Двенадцатая ночь», княгини Бетси в «Анне Каренине», Соньки в «Аристократах» Н. Погодина.

Белла Георгиевна говорила: «Мой успех в этих ролях - заслуга хорошего режиссера Александра Ридаль. Он принадлежал к режиссерам, которые давали возможность привносить в роль что-то такое, что чувствует актер».

В годы войны режиссер Георгий Товстоногов, приглашенный в театр им. Грибоедова, осуществил ряд талантливых постановок: «Парень из нашего города» К.Симонова, «Школа злословия» Р.Шеридана, «Бешеные деньги» А.Островского и другие, где играла Белла Георгиевна.

В этот тяжелый для страны период она активно участвовала во фронтовой бригаде грибоедовцев, выступала перед воинами-участниками битвы за Кавказ, на фронте и в госпиталях.

На имя Грибоедовского театра было получено благодарственное письмо от генерал-майора Андрианова с фотографией, на которой запечатлена встреча солдат и офицеров 246 гвардейского артиллерийского полка 18-й армии в сентябре 1943 года с бригадой артистов театра: Б.Белецкой, А.Липницким, Ю.Алексеевым-Месхиевым и другие.

На сцене Грибоедовского театра она играла более четверти века. Были интересные роли: Соньки в «Аристократах» Н.Погодина, леди Мильфред в «Коварстве и любви», счастливые встречи в спектаклях с прекрасными актерами – Е.Сатиной, Л.Врублевской, А.Смираниным, М.Пясецким, И.Русиновым.

В каких бы ролях ни участвовала Белла Георгиевна, она была талантливой, обаятельной, красивой и прекрасной партнершей, и такой она мне запомнилась на всю жизнь.

«Творческая и личная дружба связывала нас с актерами грузинских театров, - рассказала Б.Белецкая в интервью газете «Заря Востока» (1973). – Не могу забыть случай, когда в два часа ночи, узнав, что в на-

шем театре пожар, на помощь прибежал Гурам Сагарадзе, и мы с ним таскали громадные сундуки из костюмерной». В начале 50-х годов Белла Георгиевна заболела, и ей пришлось оставить театр.

Еще в конце 40-х годов в театре сформировался очень крепкий талантливый коллектив. Одной из самых любимых актрис была Наталья Михайловна Бурмистрова. Я в свое время попросила ее поделиться своими воспоминаниями о Белле Георгиевне Белецкой.

Она рассказала: «У Белочки был день рождения. Мы, грибоедовцы, решили по-семейному отметить его. Игорь Злобин и Юзик Конопацкий пошли на студию «Грузия-фильм», нашли в архивах кадры старых немых лент с участием Белецкой.

Вечер решили проводить в Доме работников искусств Грузии. Маленький зал был заполнен до отказа грибоедовцами и друзьями Беллы Георгиевны. Погас свет. Вспыхнул экран. На все полотно крупным планом профиль актрисы Беллы Белецкой. Она медленно повернулась к залу, улыбнулась и неожиданно лукаво подмигнула. И зал взорвался аплодисментами, столько шарма, женского очарования и лукавства было в этом лице.

Все эти качества в сочетании с профессионализмом сделали Белецкую одной из любимых артисток театра им. Грибоедова. Мне выпало удовольствие неоднократно быть ее партнершей: в «Тане» А.Арбузова, «Бесприданнице» А.Островского, «Великой силе» Н.Ромашева, «Норе» Г.Ибсена и других спектаклях.

Играть с ней было легко и приятно.

вить сцену, но, несмотря на это, изредка приходила в театр. Ставила стул в кулисах и наблюдала за ходом очередной репетиции. Однажды я подошла к ней, в ее прекрасных глазах стояли слезы. Я спросила: «Что с вами, Беллочка?» Она ответила: «Я тоскую по театру. Жизнь для меня утратила краски, стала серой и будничной». Уж так устроены мы, актеры, для которых театр - главное в жизни. Уйдя со сцены, мы теряем смысл существования».

Память о дорогой Беллочке Наталья Михайловна хранила «в самом теплом, самом нежном уголке своего сердца».

Встреча с фронтовиками. 1943 год

с.Михалков. «Потерянный дом»

Белла Георгиевна была замечательным человеком: умным, чутким, деликатным. Доброжелательна ко всем, лишена зависти, что, к сожалению, часто встречается в театральной среде. Ее любили и уважали все.

По состоянию здоровья она была вынуждена оста-

Воспоминаниями об актрисе поделилась режиссер Лейла Джаши: «Когда я пришла работать в 1968 году в театр, Белецкая уже не работала. В молодости, посещая спектакли театра, я видела Беллу Георгиевну в спектакле «Нора» в роли наперсницы Норы, где проявилось ее мастерство и красота, о которой в свое время рассказывали легенды, ведь она была и одной из звезд немого кино. О ее творческих победах как в кино, так и в театре я много слышала от моих родителей.

Работая уже в театре, с Беллой Георгиевной я познакомилась, когда она ушла из театра по болезни. Она оставалась для коллектива грибоедовцев незаменимым другом и советчиком. Я видела как актеры, которые играли с ней, всегда ждали и радовались ее приходу. Белла Георгиевна была замечательным, добрым и в высшей степени интеллигентным человеком, которую все называли «наша Беллочка».

Уже в преклонном возрасте актрису увезла в г. Таганрог дочь Ирина. Здесь она и скончалась.

Белла Белецкая оставила нестираемый след в кино и в театре любимого ею Тбилиси.

Виктория ТИХОНОВА-МАРТАШОВА

ОСТРОВ В АСТРАЛЕ

Петре Отхели

- В этой стране люди рождаются с чувством цвета! – оттолкнувшись от фразы известной художницы, двадцать лет преподававшей в Тбилисской Академии художеств, я пустилась в путь по частным галереям старого города. Сегодня есть возможность рассмотреть эту мысль во временном разрезе. В первой частной галерее Байи Цикоридзе открылась выставка работ грузинских модернистов 10-30-х годов двадцатого века. Малоизвестные работы из частных коллекций в большинстве своем ранее не выставлялись.

На Шардена всегда чуть-чуть пахнет сыростью. Дух старинных зданий у Куры непобедим. Но в данном случае он совершенно в контексте с экспозицией! Вскрыт глубокий пласт культуры. Не выставка, а мистификация – спиритический сеанс! Искусствовед Цикоридзе каким-то заклинанием вновь вызвала души художников и наполнила их мыслью, их стихами, их юмором, их восторгом и страхом два маленьких зала. Футуристы, кубисты, символисты, абстракционисты как бы собрались на дружескую вечеринку в старом городе, как это не раз бывало при жизни. Работы развешаны вразброс. Будто бродят художники от одного знакомого к другому. Не кичатся своими шедеврами, а так, делятся сокровенным.

Первое, что бросается в глаза – лежащая ню на большом холсте Серго Кобуладзе. Самая крупная по размерам работа. Никакой это не модернизм, а са-

мый дотошный натурализм и высокий академизм. Но это главный приоритет молодости!

- Да мы все молоды и вот как умеем рисовать! – как бы заявляют художники – но дальше у каждого свой путь! Приехали в Тифлис самородки из разных уголков Грузии учиться живописи у Фогеля и Склифасовского в Художественной студии. Академии художеств еще не было, но педагоги были потрясающие, как и творческая обстановка в среде художников.

На стене шедевр – ранний Ладо Гудиашвили «Григол Робакидзе на Верийском мосту» с дьяволицами и самим из преисподней. Художник еще не учился во Франции, еще не работал и не дружил с великими. Только окончил студию. Но его личный, узнаваемый почерк уже сформировался, и он потрясающий. Не надо было за ним ехать в Париж. Но все художники туда стремились. Именно по Парижу проходила линия разлома между старым и новым искусством. Там было заявлено человечеству новое видение мира.

Тифлис в те годы был «маленьким Парижем» – полная свобода мыслетворчества, яркая богемная среда и политическая лояльность. Живопись, театр, поэзия развивались синхронно, в полной гармонии и взаимопроникновении друг с другом. Академия художеств, Тбилисская консерватория, авангардные театры возникали, как грибы из культурных грибниц. То и дело открывались литературные кафе, ставшие

сотами, наполнившимися творческим нектаром грузинских, русских, польских, армянских талантов. Фантастический город, каким был Тифлис начала прошлого века, притянул к себе авангардную европейскую мысль.

Ираклий Гамрекели, Елена Ахвледиани, Ладо Гудиашвили, Давид Какабадзе, Евгений Лансеро, Петре Оцхели, Сидамон-Эристави, Кирилл Зданевич – все были театральными художниками. Новый динамично развивающийся театр позволял реализовать новое видение мира и получать при этом зарплату.

На полотне интерференционная картина черно-белых разбегающихся волн от огромного похожего на панцирь черепахи канализационного люка. Вот-вот и он затянет в себя три человеческие фигурки, которые пока так самоуверенны на сцене жизни. Это эскиз декорации Петре Оцхели к спектаклю «Отелло». А вот земля, закрученная как ракушка в своем притяжении к подсолнуху-солнцу.

Вокруг королевского трона шестеренки огромных часов захватывают друг друга и проворачивают. Лестница, ведущая вверх, через секунду уже ведет вниз. Те, кто только что были наверху уже на самом дне. Раскачивающиеся маятники отмеряют выделенное время, а острия мечей нависают как гильотина. Все краткое содержание великой драмы в одной декорации Ираклия Гамрекели к «Королю Лиру».

С двух стен смотрят друг на друга два пульсирующих эмоциями холста Сидамон-Эристави – «Коррида» и «Танец». Между ними десять лет и огромный наглядный скачок в живописном мастерстве художника. Сине-фиолетово-бирюзовые лодки Давида Какабадзе, а рядом желто-сине-лиловые горы-пирамиды Кирилла Зданевича. Новый цветовой ритм, у каждого свой, и потрясающая пластика линий. Кто

еще так рисовал грузинские танцы как модернисты? Гудиашвили, Оцхели, Зданевич - всего пара непрерывных линий. Как цветок, мгновенно распускающийся лепестки, взмах рук, с ладонями открытыми к небу и солнцу. И во всех работах такая пронзительная любовь к Грузии.

А мир тем временем летит в тартарары. Война, революция, хаос, вот-вот начнутся репрессии. Неслучайно колюще-режущие-протыкающие плоть декорации Ираклия Гамрекели к «Мистерии-буфф» взяты на афишу выставки. « Кирка Колко Колет Камень

Как Кукушки Крик Ку-Ку» - накаркал поэт-футурист Василий Каменский.

Жизнь обойдется с художниками по-разному. Тридцать седьмой год унесет Петра Оцхели. Ладо Гудиашвили и Елена Ахвледиани доживут до глубокой старости и станут живыми легендами. Кирилл Зданевич будет репрессирован уже после войны, отсидит пять лет в Воркуте. Уедет к брату в Париж и не успокоится, пока весь мир не оценит по достоинству открытого им еще в 1915 году Пиросмани. Напишет и напечатает о нем книгу, а лишь затем вернется в Тбилиси.

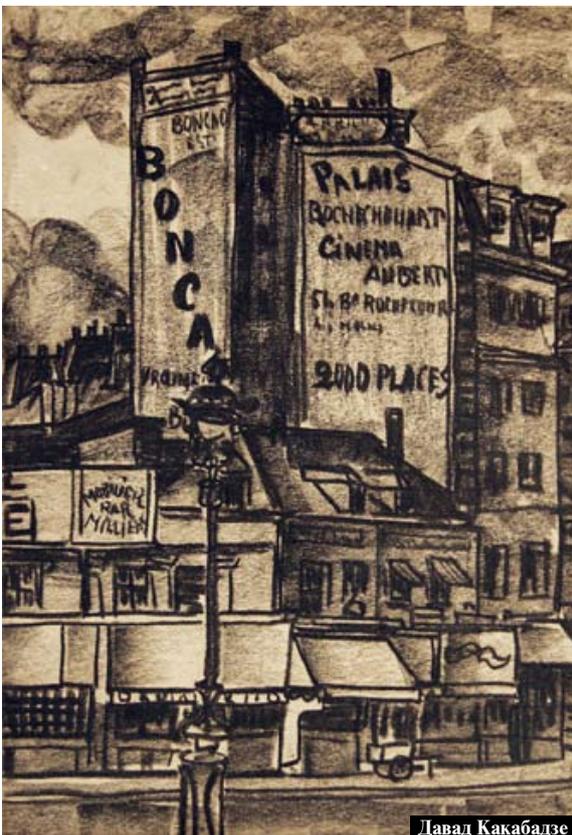
Но, когда бы они не ушли из жизни, все до конца останутся верными своей молодости. Никакой соцреализм не остановит их развития. Ираклий Гамрекели в самые ужасные годы сталинских репрессий будет создавать свои сценические шедевры, живущие самостоятельной жизнью. Елена Ахвледиани во всех своих живописных работах будет над временем и строем. По-парижски изыскано будет не замечать советскую действительность. Серго Кобуладзе потрясающе распишет занавес театра оперы и балета. Который мы, увы, отдадим огню. Ну, а Ладо Гудиашвили в советское время распишет храм и до конца останется великим сказочником. Но это будет потом.

А пока, ожившие усилиями Байи Цикоридзе, они молоды и могли бы сбежать по лестнице вниз, что ведет от галереи на нижние улицы и оказаться в двух соседствующих частных галереях современного искусства «Art gallery line» и «Cameo». Что же там? Вверх ли мы идем по лестнице, ведущей вниз?

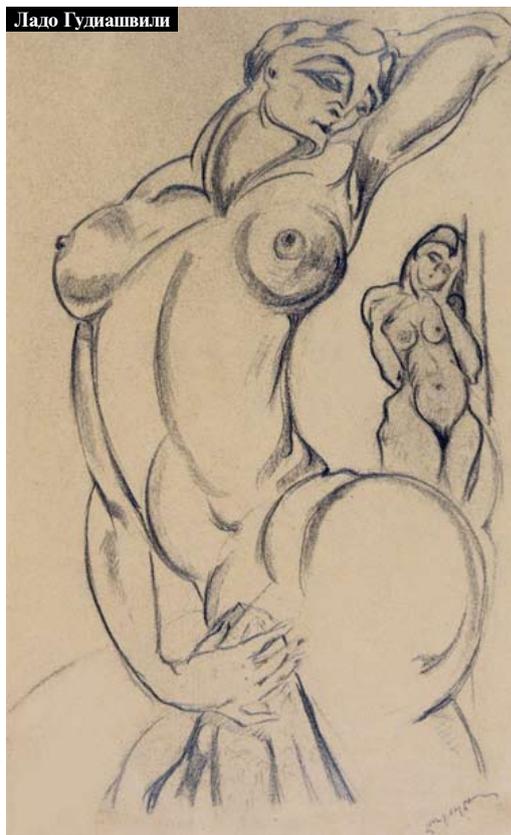
Просто другой виток – тоже начало века, война, революция, хаос и смятение духа.

Две галереи совсем по-разному представляют художников и по-разному продают.

Первая - официально-чопорная претендует на самый высокий художественный уровень в Грузии. В постоянных экспозициях работы хорошо известных за рубежом Русудан Петвиаш-

Давид Какабадзе

Ладо Гудиашвили

Кирилл Зданевич

Елена Ахведиани

вили, Серго Тбилели, Алекса Бердышева, Амирана Куправа, Мамуки Микеладзе, Мамуки Дидебашвили, Майи Рамишвили и еще целого ряда ярких самобытных художников. Целое созвездие из двух-трех десятков звезд первой величины. Практически все они выставлялись и выставляются в Европе, а посему имеют своих почитателей, и, что важно, постоянных покупателей.

Вторая галерея имеет совсем иной менеджмент. Это театр одного актера в потрясающих декорациях. Стены, плотно завешанные картинами, создают впечатление витража либо мозаики. Витрины с ювелирными эмалями, инкрустированным оружием и художественной керамикой. В середине стол с распиленным бивнем мамонта, из которого владелец галереи сам изготавливает весьма изысканные камни. У картин нет авторов и названий, только цена в углу рамы. Но это не потому, что их художественный уровень ниже, чем в предыдущей галерее. Хотя, возможно, что их

авторы менее известны в Европе. Это маркетинговый прием хозяина. Провокация к началу разговора на удобном вам языке. И тогда начнется представление одного актера, моментами экзальтированное до эпатажа. Но за всем этим много глубины. Он хорошо разбирается в живописи, давно дружит со своими художниками, знает рынок и умеет преподнести работу покупателю. Знает историю каждой картины с момента создания. И, похоже, понимает, что судьбы картин очень причудливо, а порой мистически переплетаются с судьбами людей.

В Грузии, к сожалению, нет музея современного искусства. Прервана связь времен, что для исторической культуры народа непоправимо. Все три частные галереи – абсолютно разные по коллекциям и стилю работы, находящиеся рядом, а потому конкурирующие между собой из-за посетителей, вместе исполняют роль музея современного искусства с постоянно меняющейся экспозицией. Возможно, что такая форма более адекватна нашему времени.

Работы современных грузинских художников полностью подтверждают первоначальное утверждение о врожденном чувстве цвета. Оно бесспорно от Бога. Ибо где в нашей реальной жизни видели они столько счастья, столько цвета, столько изысканности и культуры? Пиршество цвета! Глубинное его исследование благодаря новым, ими же изобретенным техникам. Рисунок линий почти не нужен. Все достигается цветом.

В отличие от грузинских модернистов, работавших в театре, современные грузинские художники, в большинстве своем, получив академическое образование, работали реставраторами в старинных храмах. Не там ли открылось это духовное зрение, отображенное теперь на холстах.

Поскольку это всего лишь новый виток живописной спирали, то можно при желании проследить аналогии с предыдущим. Так от работ Серго Тбилели протягиваются нити к Врубелю. Но это уже технически новый акриловый Врубель. А в его пейзажах слышен Чюрленис. Идеализация старого города у Елены Ахведиани отзывается на полотнах Рамаза Размадзе. Алекс Бердышев – это логическое развитие – современная версия сценического Ираклия Гамрекели, только работающего без страха в любой момент быть репрессированным и расстрелянным. Этого страха сегодня нет, но жизнь по-другому тяжела.

Если модернисты и декларировали свой уход от действительности, они оставались, как оказалось, совсем рядом. Современные же грузинские художники просто улетели на какой-то остров или острова в астрале. И оттуда с неземной жизнерадостностью рассказывают нам о некоем космическом счастье. Даже исследуют его на клеточном уровне как на полотнах Мамуки Микеладзе. И лишь один из них – Амиран Куправа пишет тоску. Множество смазанных лиц с потухшим взором, это очевидно, мы с вами. И только один живой взгляд на паруснике «Арго». Он плывет сквозь наши жизни, наблюдая как око Господа. Теперь я начинаю понимать, что у Куправа другая миссия. Он перевозчик. На таком паруснике, когда придет время, заберут наши души в неземную красоту.

Теперь совсем не страшно.

Ирина МАСТИЦКАЯ

საერთაშორისო კულტურულ-საგანმანათლებლო კავშირი
«რუსული კლუბი»
აკ.გრიგორელოვის სახელობის თბილისის სახელმწიფო რუსული
დრამატული თეატრი

გეპატიჟებთან
სახალწლო წარმოდგენებზე

დეკემბერი – 25, 26, 27, 28, 29, 30 იანვარი – 2, 3, 4, 5

დასაწყისი 12.00, 14.00, 16.00

იანვარი – 6, 7

დასაწყისი 12.00, 14.00

სალთან მეფის ზღაპარი

იანვარი 8, 9, 10

დასაწყისი 12.00, 14.00

საშობაო ზღაპარი

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ»
ТБИСПСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР
ИМ. А.С. ГРИБОЕДОВА

приглашают Вас на
НОВОГОДНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Декабрь – 25, 26, 27, 28, 29, 30 Январь – 2, 3, 4, 5

Начало в 12.00, 14.00, 16.00

Январь – 6, 7

Начало в 12.00, 14.00

СКАЗКА О ЦАРЕ САПТАНЕ

Январь – 8, 9, 10

Начало в 12.00, 14.00

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

სახალწლოებელი ფონდი «ქართუ»
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «КАРТУ»

WWW.RUSSIANCLUB.GE
RUSCULTURE@MAIL.RU

ბანკი ქართვ CARTU BANK

Ваш надёжный партнёр

Грузия, Тбилиси 0162, Пр. Чавчавадзе №39^а ☎ + (995 32) 92 55 92 www.cartubank.ge